

Запасной козырь

Автор:

Олег Рой

Запасной козырь

Олег Юрьевич Рой

Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя

Олег Рой – популярный писатель, сценарист и продюсер. Его книги читают по всему миру люди разных поколений, ведь автор умеет подобрать свой ключ к сердцу каждого. Секрет его успеха – в динамичных сюжетах, полных неожиданных поворотов, в глубоком психологизме и в верности следования вечным ценностям. Книги Олега Роя – это гид по лабиринту изменчивой судьбы.

Когда ты еще очень юн, кажется, что любые вершины тебе по плечу и ничего не страшно. Так было и с Борисом, пока он не попал в бойцовский клуб, и тут началась совершенно иная жизнь. История, полная опасностей и приключений, со спецслужбами и террористами, любовным треугольником и счастливым финалом.

Олег Рой

Запасной козырь

© Резепкин О., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Памяти моего сына Женечки посвящается.

- Грузите в машину. Сейчас ему дядя доктор укольчик сделает, и он сам все расскажет, только успевай слушать. Видали мы таких, упертых...

Двое бойцов подхватили его под мышки и поставили на ноги. Ноги подгибались, скованные за спиной руки согнулись кольцом, тело безвольным мешком повисло на подхвативших его руках.

- Ну чего? За руки, за ноги? - Третий боец подошел спереди.

Тело, только что болтавшееся безжизненной тряпкой, вдруг развернулось, словно стальная пружина. Он оттолкнулся ногами от земли, прогнулся назад... что-то хрустнуло - то ли локоть, то ли плечо... вывернувшись немислимым штопором, почти перевернувшись вниз головой, он зубами дотянулся до висевшей на поясе бойца гранаты... короткий щелчок...

Казалось, граната падает очень медленно - поворачивается, касается земли, взметнув небольшой фонтанчик пыли... через мгновение - нет, через четверть мгновения - рядом приземлилась выдернутая чека...

Глава 1

Дожевывая бутерброд, Борис разглядывал содержимое спортивной сумки. Вроде ничего не забыл, можно идти. Щелкнул замок, входная дверь начала открываться - и уперлась в черный сумочный бок.

- Эй, люди, - донеслось из коридора, - дайте воды напиться, а то так есть хочется, что переночевать негде.

- Что-то ты сегодня рано, - буркнул Борис, распахивая дверь. - Все шедевры уже нарисовал?

– Не, немножко на потом оставил, – ухмыльнулся Глеб и кивнул на сумку. – На тренировку?

– Надеюсь, что нет, – промычал Борис неразборчиво, дожевывая остатки бутерброда.

– Не понял... – Глеб картинно поднял брови, изображая изумление. – Куда ты еще с этой бандурой, – он слегка подтолкнул сумку, – можешь намылиться?

На мгновение зеркало отразило их обоих – похожих, что называется, как две капли воды, но все-таки чем-то неуловимо различных.

Глаза готового к схватке бойца и глаза готового к работе художника одинаково зорки и сосредоточенны, но тени в глубине их – разные.

– Да есть одна тема... – плюхнувшись на пол, Борис принялся шнуровать кроссовки. – Клык обещал меня сегодня в настоящий бой выпустить. Если не подведет...

– Что еще за Клык? Почему не знаю? Ну-ка колись, брателло, – Глеб подмигнул.

– Ну... тренировки тренировками, про это все знают. Но там есть реальный бойцовский клуб. Ясен пень, я тебе ничего не говорил, угу?

– Могила, – ухмыльнулся Глеб. – А Клык главный, что ли? Странная кличка.

– Ну типа менеджера. Не самый главный, но за всем следит. Черт его знает, почему Клык – то ли укусил кого-то, то ли с зубами что-то не то. Ну вот Клык обещал меня сегодня в настоящий бой пустить. Если главный их разрешит. Такие дела! – одним стремительным движением поднявшись с пола, Глеб перебросил через плечо ремень сумки. – Так что можешь сходить в церковь и помолиться за своего братца. Стать настоящим бойцом – вроде как второй день рождения. Шутка! – Он подмигнул.

– Может, лучше помолиться, чтоб тебя там не прибили? – задумчиво проговорил Глеб и прислонился к двери, перекрывая выход. – Ты как, хорошо подумал? Тебе оно надо?

– Ты чего, братан, испугался за меня, что ли? Не смей мои тапки! Я их всех на раз сделаю. Ты же меня видел на ринге, все говорят – ураган. Нет?

Но Глеб продолжал стоять возле двери, не давая брату выйти:

– Одно дело на ринге... Правила, рефери, секунданты, все дела. И то всякое бывает. А ты говоришь – бойцовский клуб. Это же бои без правил, так? Я про такие слыхал... Могут и убить... И очень запросто...

– Прочь с дороги, куриные ноги! – Борис обхватил брата, приподнял и легкой подсечкой усадил на пол. Очень осторожно усадил, как стеклянного. – Ну не куксись ты так. Ничего со мной не будет. Я крутой, но не тупой.

Не поднимаясь, Глеб уперся в дверь вытянутой ногой:

– Тогда я с тобой пойду.

– Вот еще новости! За каким лешим? Ты ж у нас художник, товарищ нежный, чувствительный. А там кровища, зубы летают, уши трещат, ну и мать-перемать, не без того, – засмеявшись, Борис взъерошил брату волосы.

Отпихнув его руку, Глеб сердито буркнул:

– Нежный, говоришь... – но тут же усмехнулся. – Кто-то же должен будет твое бездыханное тело в морг оттащить. Ну или в больничку, если повезет. – Он поднялся. – Не, я серьезно. Давай, я с тобой схожу. Посижу в уголке, порисую... пока тебе ребра будут пересчитывать. Мне правда так спокойнее. Ну и тебе хоть один болельщик. Или, – он вытащил мобильник, покрутил его у брата перед носом, – предкам настучу.

Борис захохотал:

– Ба, шантаж?! Неужели прям так-таки и настучишь?

– Прям так-таки и настучу, – повторил Глеб, снова помахав мобильником. – Клянусь... твоим здоровьем клянусь.

– Хм. Верю... Ладно, сдаюсь. – Борис махнул рукой. Пошли. Только если Клык тебя не пустит, я не виноват.

– Заметано, – улыбнулся Глеб. – Погодь две секунды, бутерброды прихвачу.

Борис засмеялся:

– Если ты про те, что от завтрака оставались, то я их уже схотмачил, а новые некогда варганить, – приобняв брата за плечи, он потянул его к двери. – Время поджигает. Погнали уже, по дороге тебе чего-нибудь пожевать купим.

– Ну ты гад прожорливый! Самого близкого человека голодным оставил! Борис – повелитель дохлых крыс!

– Самый близкий у меня человек – это я сам, – ухмыльнулся тот. – Добудем тебе что-нибудь, не переживай. Глебушка-Глебушка, на тебе хлебушка!

Пихаясь локтями и обмениваясь привычными подколками, близнецы вышли из подъезда. По нагретому асфальту, в клубах тополиного пуха неуклюже топтались толстые ленивые голуби. Взлетели на мгновение, встревоженные приближением рычащего монстра с длинными водяными «усами», и снова опустились неподалеку.

Прозрачные водяные веера, расходившиеся от поливальной машины, вспыхнули на солнце двумя радугами. Братья переглянулись и, подпрыгивая и хохоча, пробежали сквозь сверкающую водяную завесу.

– Вот же балбесы! – сидевшая у подъезда остроносая, похожая на лисичку бабулька в белом платочке немного подвинулась – одна из водяных радуг обрызгала край лавочки – и погрозила сморщенным кулачком водителю поливалки.

Голову сидевшей рядом приятельницы – чуть помоложе и раза в два пышнее – украшала копна кудрей, выбеленных перекисью так, что они казались париком.

– Балбесы, – согласилась она. – Ну так молодые еще, кровь-то играет. А мальчишки хорошие. Хотя кто Борька, а кто Глебка, я так за семнадцать лет

различать и не научилась. Или шестнадцать? Что-то я со счета сбилась...

– Почитай, все восемнадцать, – уточнила «листочка». – Школу-то как раз окончили. А различить их разве что только мать родная может, даже отец, говорят, путает. Близняшки-чебурашки! Но хорошие, это ты правду сказала. Как в магазин кто из них идет, завсегда спросит: я, дескать, в магазин, не надо ли и вам чего. Хорошо их воспитали.

– Вот и я про то же, – закивала кудрявая. – А то на многих нынешних посмотришь – ужас, что такое.

Из соседнего подъезда появился сантехник Самсоныч. Как и положено человеку, сознающему собственную незаменимость, он, как всегда в середине дня, был под хмельком и потому пребывал в благодушно-философском настроении. Услышав последнюю фразу, он поглядел вслед удалявшимся близнецам, поскреб колючий от трехдневной щетины подбородок и изрек:

– Придет война – герои будут!

Для выражения мыслей Самсоныч предпочитал фразы в духе «народная мудрость».

Старушки хором на него зашикали, даже перекрестились одновременно:

– Типун тебе на язык! – возмутилась кудрявая. – Война, скажешь тоже! Мало наших отцов да братьев в землю сырую легло? Иди хоть пива выпей, может, чего повеселее в голову придет.

– И-и... – протянул Самсоныч. – Это еще неизвестно, что повеселее, да кому больше повезло. Отцы, деды да братья понятно за что полегли. За родину-мать. А близняшки эти за что нынче воевать станут? За место под солнцем, вот! – Он покачал заскорузлым пальцем. – Только все места давно позаняты. Свободными нынче только под забором места остались, в канаве с мусором. Чтоб под солнцем жить, надобно кому-нибудь глотку перегрызть, а то и не одну. Капитализм! – Он опять назидательно покачал коричневым от въевшейся грязи пальцем. – Все как завещал великий карла Маркс! – И Самсоныч неожиданно захохотал, представив себе Маркса лилипутом в цирковом костюме.

Близнецы же тем временем, добежав уже до ближайшего «Макдоналдса», купили жареной картошки и двинулись дальше. И уж конечно никакие беспокойные мысли – что там судьба готовит? – их не тревожили. Чего беспокоиться? Жизнь прекрасна и удивительна. Позади выпускные экзамены, впереди – выпускной вечер. Потом, может, повезет в какой-нибудь университет поступить, а если не повезет, можно и в армию сходить, чего бояться двум таким богатырям. Вон как девчонки на кассах в «Макдоналдсе», едва завидев их, принялись челочки поправлять, глазками постреливать да между собой перемигиваться. Эх, девчонки, держите юбочки, как говорил какой-то поэт! Жизнь только начинается, а впереди – ух, что там впереди! – светлый горизонт, успехи и вообще красота!

Глава 2

Клык уже ждал у входа, покуривал, лениво прислонившись к стене. Но едва завидел братьев, даже сигарету выронил:

– Стоп, ребятки! Что-то у меня сегодня в глазах двоится, – усмехнулся он, движением руки останавливая приближающихся парней. Те, переглянувшись, засмеялись. Дело привычное: каждый, кто впервые видел их вместе, приходил в легкое замешательство. – Подождите! – прищурился Клык. – Молчите! Оба. Я должен сам догадаться, кто из вас мой боец, – медленным, цепким взглядом он обвел обоих. – Ха! Элементарно, Ватсон! Вот ты, в кроссовках, Борис. Попал?

Братья синхронно кивнули.

– Значит, брата привел? Неужели тоже к нам хочет? – Клык переводил взгляд с одного на другого. – Да нет, что-то не похоже. Сдается мне, не шибко ему у нас тут нравится.

– Это Глеб. – Борис хлопнул брата по спине. – Он так, за компанию, увязался. Если не помешает, конечно. Художник он у меня. Порисовать хочет. С натуры вроде как.

– Ну натура у нас тут богатая, – ухмыльнулся Клык. – Пусть рисует. Места всем хватит. Сам-то как? – переведя взгляд на Бориса, он опять прищурился, словно отыскивал какие-то только ему самому ведомые признаки: в форме боец или не очень.

– Я-то всегда готов! – отрапортовал Борис. – А ты? Договорился? Ну насчет меня? Я буду сегодня драться? – глаза его вспыхнули азартным блеском, он даже ногой притопнул и сумкой взмахнул, точно под облака ее забросить собирался.

Клык укоризненно покачал головой:

– Спокойно, спокойно. Совсем не обязательно орать о наших делах на всю улицу... Нет, я пока не разговаривал... да не прыгай ты, как уж на сковородке. Сперва надо было на тебя взглянуть, мало ли. Мог ведь и передумать, или знаешь, как бывает? На словах человек готов, а поглядишь – и ясно, что все мысли только про то, чтобы сбежать подальше. Какой из такого боец? Но ты, смотрю, действительно готов. Теперь можно и с начальством переговорить, раз ты меня не подведешь. Заходите, ребяташки!

Борис было направился к знакомой двери под табличкой «Спортивный клуб «Дружба»», но Клык придержал его за плечо:

– Нет, Боря, нам не сюда. Двери в настоящую мужскую жизнь – они, знаешь, без вывески.

Мотнув головой, он шагнул к неприметной двери неподалеку – железной, в струпьях облупившейся краски и ржавых потеках. Возле нее дежурил здоровяк в тренировочном костюме. На бритой голове резко выделялись многочисленные шрамы, из-под фуфайки виднелась часть татуировки – обвивающий мускулистую шею парня хвост не то змеи, не то дракона.

– Это со мной, – бросил Клык, едва замедлив шаг.

Неожиданно проворно для своей комплекции и кажущейся флегматичности здоровяк повернулся, замок щелкнул, и ржавая дверь распахнулась – мягко, без ожидаемого лязга, почти беззвучно. Облицованный розовато-серым мрамором недлинный коридор казался просторнее из-за зеркального потолка, в котором отражались вмонтированные в пол светильники. Коридор упирался в еще одну

дверь – явно бронированную. Клык провел по электронному замку извлеченной из кармана картой, дверь коротко пискнула и уехала в стену.

Стал слышен отдаленный шум: возгласы, крики, надрывный женский смех, топот ног, даже звон стекла.

Клык тронул Бориса за локоть:

– Братца твоего я где-нибудь в уголочке пристрою, чтоб глаза никому не мозолил. А ты давай со мной, в тренировочный зал. Переодевайся, разминайся, ну сам знаешь. Только учти, с тобой пока еще ничего не решено. Как Босс скажет, так и будет. Даст «добро», станешь сегодня драться, ну а нет – отложим твое свидание с судьбой до лучших времен. Кстати, о лучших временах. У тебя выпускной-то вечер когда? – Он оглянулся на Глеба. – В смысле, у вас.

– Послезавтра, – коротко доложил Борис, жадно вглядывавшийся в полуоткрытую дверь поодаль – оттуда несся тот самый гомон, и даже можно было разглядеть мелькавшие над возвышением ринга блестящие от пота торсы борцов.

Клык усмехнулся:

– Что, уже бьешь копытом, рвешься в бой? А если тебе сегодня личико-то разукрасят? Как на гулянку пойдешь?

– Подумаешь! – фыркнул Борис. – Ну припудрюсь. Или, – он тоже ухмыльнулся, – маску карнавальную напялю, вроде как для веселья.

– Маску Супермена? – подхватил шутку Глеб, но голос его звучал мрачновато.

– Буратино! – буркнул Борис, облизнув внезапно пересохшие губы.

– Ну смотри, физиономия твоя, – равнодушно согласился Клык. – А то еще не поздно назад отыграть.

– Назад только раки пятятся, – резко выдохнул Борис. Глаза его из-под нахмуренных сосредоточенно бровей глядели остро, чуть ли не зло. Ноздри

слегка раздулись, чуя дыхание близкой схватки: резкий запах «адреналинового» пота, чуть разбавленный подвальной сыростью, алкогольными парами и табачным чадом. Запах настоящей – взрослой! – жизни, доселе запретной и недостижимой. Сегодня, сегодня он в нее шагнет. Да что там шагнет – окупнется. Станет ее частью, нет, не частью – хозяином. Теперь это будет его собственная жизнь. И на пути к ней он разнесет в пыль любую помеху... Или его разнесут... Ну нет, этого не случится, не может случиться!

Кулаки его непроизвольно сжались, на плечах, руках, спине, шее прокатились в предвкушении схватки мускулы. В голове зашумело.

Эх, жалко, Аленка его сегодня не увидит! Хотя она, наверное, пришла бы в ужас, поэтому так даже лучше. Потом он просто поставит ее перед фактом.

Свершившееся обсуждать бессмысленно и глупо. Тем более что он ведь не просто так – он заработает, наконец, денег. Пусть с официальной точки зрения он еще пацан – ха, как же! Мальчишка от взрослого мужчины чем отличается? Тем, что сам решает проблемы. Он принесет кучу этих дурацких денег, и это сразу решит массу проблем. Первым делом – снять для них с Аленкой какое-нибудь жилье. Нельзя ей оставаться со своей семейкой – это ж не дом, это притон какой-то. И Борис, как полагается взрослому мужику, сможет наконец вытащить оттуда свою девушку. Потом... потом – родители. В первую очередь – мать. Можно будет прямо у нее спросить: сколько ты получаешь в своей конторе, где из тебя только что веревки не вьют? Сколько можно горбатиться на этих упырей? – он как будто слышал этот будущий диалог. И недоумение матери, и собственную уверенность: куда деваться, спрашиваешь? Для начала съезди в санаторий, отдохни. Вместе с отцом. На месяц, на два, на сколько нужно – не проблема. Ах на какие шиши? Пожалуйста, мамочка, вот, получи – все по-честному, заработанное. И костюм новый отцу купи, и себе чего-нибудь – деньги будут, я еще достану, не беспокойся.

Очнулся Борис от встревоженного братнина шепота:

– Ты чего, на ходу спишь? Ох, зря мы пришли, ты глянь, какие рожи, жуть, как в триллере каком-нибудь. Слуш, мож, пока не п-поздно, с-свалим от-тсюда? – Глеб от волнения даже заикаться начал, постукивая зубами, словно в ознобе. – И у тебя самого физия – брр. Как закаменел весь. И глаза стеклянные. Эй, братишка, ты...

– Не бойсь, – Борис растянул непослушные, точно резиновые губы в некое подобие ухмылки. – Вот увидишь, я их всех сделаю! Сделаю! Будет им небо в алмазах!.. А ты под руку не каркай, настрой мне не сбивай. Боишься, топай домой, не держу.

– Вот прям! Так я тебя, дурака, одного тут и оставлю! – Глеб слегка приободрился: оказывается, напугавший его стеклянный взгляд не просто так, а – настрой. Значит, братишка знает, что делает, и мешать ему не стоит. Впрочем, его все равно не переубедишь. Глеб и сам был такой. Ну или почти такой. Фамильная черта. Оба в отца пошли. Тот, как Ломоносов, в Москву пешком притопал. После детдома. Ему там направление в техникум по окончании восьмого класса выдали – типа вот твоя стезя, ползи и не рыпайся. А он рванул в большую жизнь. Добрался до столицы, а там не к бомжам подвальным прибилсь – подсобником на стройку. Спал в бытовке, потом угол в рабочем общежитии дали. В вечернюю школу пошел, затем в Строгановку. Там на такого абитуриента рты пораскрывали: сирота, лимитчик, после вечерней школы. Таких без блата только в тюрьму берут, а этот... А «этот», ко всему прочему, еще и чуть не всю Третьяковку в блокнотик перерисовал. Точнее, в одиннадцать альбомов. Вот и взяли. Поохали, поахали, но – взяли. Такой вот у них батяня – со стержнем внутри, как говорится. После, правда, он через стержень этот и жизнь свою наперекосяк своротил, но это уже к делу не относится.

– Ты пшикалку-то свою не забыл? – спросил вдруг Борис. – Здесь накурено, как в последней пивнушке, как бы астма тебя не скрутила.

– Ай, молодец! – Глеб сердито дернул плечом. – Вспомнил про брата. Вот вовремя! Про Аленку не вспомнил? Что она скажет, когда...

– Тц-ц! – Борис шикнул, приостановившись. – Когда надо, узнает, а пока смотри у меня! Да не дрейфь, я в порядке. Это они... ну они еще не знают, кого в берлогу пускают...

Нет, в нем не было ни самоуверенности, ни дурного, от непонимания опасности, щенячьего задора. Он просто знал, что победит. И сегодня, и завтра, и когда угодно. Потому что так, как он, не может никто. Борис и сам не понимал, откуда в нем взялась эта странная способность, но, когда он дрался, время как будто растягивалось, все вокруг становилось, как в замедленной съемке. Вот противник делает обманный финт, вот выходит на удар... Противнику кажется, что его движения молниеносны, и, собственно, так оно и есть. Но для Бориса эта

«стремительность» превращается в цепочку стоп-кадров: щелк-щелк-щелк – разложенный на стадии обманной нырок, щелк-щелк-щелк – медленный, как полумертвый замах, потом удар... Рука «летит» сквозь вязкий плотный воздух... но Бориса в точке удара уже нет! Ушел. И не просто ушел – перегруппировался и поймал соперника на встречный удар. Упс! И не успевший ничего понять бедолага, пытаясь сфокусировать расплывающийся взгляд, жадно хватает ускользающий воздух.

Борис никому, даже Глебу, даже Аленке, не рассказывал про свою странную способность. Боялся сглазить. Покопался, правда, в научных, спортивных и медицинских книжках, но так объяснения и не нашел. Попались, правда, описания нескольких похожих случаев, но что это за аномалия, откуда берется, и главное – насколько устойчива – этого ни спортивные, ни медицинские светила не объясняли.

Один такой спец предлагал что-то похожее на объяснение – про параллельные пространства: вроде бы человек движется сразу в нескольких «жизненных потоках», но осознает только один. Причем время в этих «потоках» (или мирах, Борис не очень понял) может идти с разной скоростью. По правде сказать, дальше Борис просто запутался в предлагаемой спецом теории, больно уж много в ней труднопроизносимых терминов было накручено. А может, он не так уж и старался разобраться – по той же причине, по которой никому ничего не рассказывал. Боялся спугнуть необъяснимый талант. Когда сороконожку из детской сказки спросили, откуда она знает, какой ногой шагать – она задумалась. И разучилась ходить.

Стать такой разучившейся ходить сороконожкой совсем не хотелось. Вдруг разобравшись в истоках «замедленной съемки», Борис утратит эту чудесную способность? Этого Борису совсем не хотелось. И он старался особо на этот счет не задумываться.

Единственное, что было любопытно – обладает ли сходной способностью Глеб? У них же все как в зеркале. Только одно зеркало вогнутое, другое выпуклое. Ну или как два автомобиля с разными рулями: у одного правый, у другого левый. Ездят вроде одинаково, но... Черт его знает, как сказать, маршруты, что ли, разные? Глеб-то, он ведь все в небо поглядывает, как будто земли под ногами не чувствует. Борис же на земле плотно стоит, ему по-другому нельзя. Он боец: задерешь голову к облакам или там к звездам – бац, в открытый подбородок и прилетело. Так что звездами любоваться – это разве что перед сном, в тишине и

безопасности...

Глава 3

Когда-то Клык был боксером. Вспоминать о спортивных успехах он не любил – должно быть, потому что до настоящих вершин так и не добрался. Не успел. Да, подавал большие надежды, да, сулили ему блестящее будущее, да, однажды дошел до финала пусть не мирового первенства, но почти столь же солидного международного турнира. И... после очередной травмы врачи объявили: следующее сотрясение мозга, даже самое легкое, будет последним. И пояснили более доходчиво: еще раз по голове получишь – либо помрешь, либо овощем станешь. Если бы не второй вариант, Клык, может, и не бросил бы ринг: смерть во время боя – не такая уж пугающая перспектива, боец он или кто? Но превратиться в овощ...

С ринга пришлось уйти. Хотя идти было особенно и некуда. Тренером? Кому нужен тот, кто еще не успел себя показать, кого никто еще не знает? Куда его возьмут? Разве что в какую-нибудь полудохлую школьную секцию – и крутись там на трехкопеечной зарплате, как знаешь.

Выручил Босс. Пожалел ли он подбитого на взлете бойца или еще что – Клык особо не задумывался. Администратор спортивного клуба – должность заманчивая для многих. А для такого, как он, которому и выбирать-то не из чего, – прямо манна небесная. И пусть «за кулисами» тренировочного зала скрывался подпольный бойцовский клуб – что ж? Значит, его новая должность еще внушительнее, чем казалось. Ну и доходы, само собой.

К доходам, впрочем, прилагалась и ответственность. Босса не интересовало, как Клык будет обеспечивать все необходимое. Зарплату получаешь? Вот и обеспечивай. За любую накладку приходилось отвечать собственным, что называется, карманом. Как сегодня, к примеру.

Не хотелось Клыку выставлять Бориса на настоящий бой, ох, не хотелось. На занятиях в дневной, легальной секции по рукопашному бою парень, конечно, показал себя прирожденным бойцом – таких махин на спаррингах клал, что о нем уже легенды начали ходить. Чутье у мальчишки – звериное. И

неукротимость в схватке – тоже звериная. И азарт бойцовский налицо – прослышав о «второй стороне медали», чуть не каждый день умолял допустить его до подпольного ринга. Но молод, ох, молод, совсем пацан зеленый, только школу оканчивает.

Но... своя рубашка ближе к телу. На сегодня не хватало одного бойца. Точнее, на завтра, сегодня – прикидка, как водится. И бойцы-то были, но – чистое «мясо». Приличных – только двое. Если не найдется третьего бойца нужного уровня, придется отступные платить. Босс, разумеется, вычтет штраф из его, Клыковской, зарплаты. Скверно было еще и то, что подбирать новых бойцов в обязанности Клыка не входило, этим обычно занимался Босс. Но, если дело дойдет до штрафных санкций, он ведь не вспомнит, что это его собственное упущение, на Клыке отыграется. И грызи потом сухари. Может и вовсе коленом под зад. Босс любил Клыку напоминать о своем благодеянии – как же, взял на работу практически инвалида – и частенько повторял, что незаменимых нет. Желających на это место навалом. Впрочем, выкинуть Клыка на улицу он может и за «излишнюю самодеятельность».

В общем, куда ни кинь, всюду клин. Будь что будет, решил Клык. Его дело – предложить, а Босс пусть решает...

Входов в клубе, занимавшем целый подвал жилого дома, имелось три. Официальный – с вывеской «Дружба», невзрачная ржавая дверь, за которой располагался подпольный бойцовский клуб, и третий, самый секретный, в одном из подъездов, на первый взгляд ни к каким боям и тренировкам вовсе не относящийся. Но именно эта дверь, о которой знали считанные единицы, вела в кабинет Босса. Массивная, бронированная, без намека на кнопку звонка, она открывалась только на условный стук.

Когда после дробного «та-ти-та-та-ти-та-та» дверь отворилась, на Клыка пахнуло тяжелым духом афганской травки. Да и взгляд стоявшего в проеме Босса был несколько стеклянным.

«Ох, погорю я с таким начальником, – озабоченно подумал Клык. – Совсем шеф опаску потерял. Не то обнаглел, не то последние мозги прокурил». За подпольные бои без правил их вроде не трогают, должно быть, кто-то «сверху» прикрывает. За соответствующую мзду, разумеется. Но наркоконтроль – это ведь совсем другая контора. А ну как кто-то из соседей учует и настучит? Нет, сам-то Босс отмажется, не вопрос. У него и денег куры не клюют, и приятелей в погонах

наверняка целая дивизия, вот он и наглеет. Но наркополицейским кого-то ведь взять нужно? Виноват не виноват – был сигнал, надобно отреагировать. Как там в народе говорится? Разберусь с кем надо и накажу кого попало? Вряд ли Босс за Клыка заступится. А у самого Клыка – ни денег таких, ни знакомств нужных. Только ворон да змея, вот и вся моя семья, вздохнул он.

– Ну и долго я должен любоваться, как ты глазами хлопаешь? – Босс постучал толстым пальцем по циферблату часов, поднося их к самому носу Клыка.

С виду часы выглядели дорогушим «Ролексом», но Клык знал, что это китайская дешевка. Смешно, думал он иногда: денег куры не клюют, а часы – тьфу, копеечная подделка. Хотя, может, у Босса и настоящие есть, только не носит – боится, что снимут или еще что. Черт его разберет, у богатых свои причуды. Вообще-то свои причуды есть у всех, но у тех, что победнее, чудачества бывают какие-то человеческие, что ли. Забавные, даже милые. А у Босса... Клыка иногда так и подмывало заехать шефу со всей дури левым боковым в челюсть – когда-то был фирменный его удар. За что и прозвище получил: кое-кто из противников зубы после этого удара на ковер выплевывал. А теперь... Ладно, Клык, терпи! В каждой бочке меда есть свой деготь. Если тут не нравится, куда идти? Охранником в супермаркет, пьянчужек гонять? Да еще вопрос, возьмут ли «травмированного».

– Там парень один пришел, – начал говорить он, – из секции нашей. Живет он тут неподалеку...

Но Босс его перебил:

– Я при чем? Пусть платит за вход и любитесь, сколько угодно. Или ему, как одному из секции, скидку хочется?

– Да нет, тут другое, – помотал головой Клык. – Он не поглядеть, он драться хочет. И боец реальный... Может, попробуем его сегодня?

Босс скептически хмыкнул:

– Ты, никак, решил включиться в подбор новых бойцов? Надо же, какая вдруг инициатива! – радушию его улыбки могла бы позавидовать акула. – Я-то грешным делом считал, что их я покупаю...

Ох черт, подумал Клык. Ведь не дослушает и уволит. Посягательства на свои полномочия не простит. Нет, теперь уж деваться некуда, надо до него достучаться. Пусть и стеклянные глаза, а может, дойдет?

– Босс... я бы не дергался. Но... На субботние бои нам троих выставить положено, а у нас приличных бойцов только двое осталось. Кто в больничке, кто дома отлеживается, а кто и вовсе... Остальные – чистое «мясо». Я на прошлой неделе докладывал, ты сказал, что решишь...

– Н-да? – Босс нахмурился, припоминая. – Да, было. Черт, совсем из головы вон. Закопался я тут в делах, – он пожевал губами, пытаясь собрать в кучу расползающиеся мысли.

Ох, похоже, он не только травкой балуется, сокрушенно подумал Клык, совсем с мозгами плохо стало.

– Ну так чего? Попробуем парня? Если нормально сегодня пройдет, будет на завтра третий боец. И нет проблем...

– Ладно, – хмыкнул Босс уже более добродушно. – Пойдем поглядим, что за фрукт у тебя в секции созрел! – он хохотнул над собственной шуткой. – Ща переоденусь, и глянем.

В последнее время дела в бойцовском клубе шли хуже, чем всегда. Это ведь не кружок кройки и шитья, где раз начал, дальше все по накату движется. Бои без правил – дело непростое. Ну и опасное. В первую очередь, конечно, для самих бойцов. Люди-то посмотреть приходят такие, для которых обычный бокс или самбо пресными кажутся, тутошним зрителям реальную «жесть» подавай. За это и деньги платят. И за вход, и тем более на тотализаторе – кто кого «порвет, как тузик грелку». Нет, до смертельных исходов, понятно, стараются не доводить – чересчур проблемно. Однако ж травмы случаются куда чаще и серьезнее, чем в официальном спорте. Лучшие бойцы Босса за последние месяцы повыходили из строя – кто-то надолго, а кто и навсегда. А новых не только найти надо – еще и доучить, и обкатать мало-помалу. Вся эта карусель – не на один день. Этим же заниматься нужно. Босс раньше и занимался. Теперь же все больше погружается в совсем другой, не бойцовский промысел.

– Пошли! – скомандовал вернувшийся Босс.

Вместо растянутой футболки с такими же штанами на нем теперь красовался строгий дорогой костюм с белой рубашкой. Образ «настоящего хозяина» дополняли галстук (Босс хвастался, что «ручной работы») и велюровая шляпа.

Велюровая шляпа в летнюю жару – это сильно, хмыкнул мысленно Клык, отметив и то, что костюмчик нуждается в чистке, да и рубашку явно уже надевали. Впрочем, его это не особенно беспокоило. Босс есть Босс. Пусть хоть в ушанке ходит, если ему не жарко.

Особой жары в зале и впрямь не было. В пятницу всегда так: и опоясывающие ринг самодельные трибуны полупусты, и на нависающем над ними узеньком балкончике для публики попроче почти никого. При «аншлаге» здесь помещалось до сотни человек, но «аншлаг» бывает, когда бои посерьезнее. А в пятницу так, разминка перед субботой. Ставки невысокие, зрители чуть не зевают от скуки.

Ну еще бы, хмыкнул мысленно Клык, бросив на ринг оценивающий взгляд – под такое зрелище только засыпать. Результат подходящей к завершению схватки, правда, непредсказуем. Но не оттого, что бойцы неординарные, скорее наоборот. Никакие. Оба уже в полубессознательном состоянии, ни атак, ни финтов, ничего. Даже о защите уже почти не заботятся. Тупо молотят друг друга – две мясорубки, и ничего больше. Осталось только дожидаться, кто первым рухнет.

Соскучившиеся зрители посвистывали, кое-кто пытался подбодрить соперников криками, но тщетно – те, скорее всего, уже ничего не слышали. Даже ногами переступали еле-еле, так вымотал их поединок.

Взглянув на это унылое действо, Босс взъярился:

– Тьфу! Так себя дать изувечить за три копейки! Впрочем, они и этих-то денег не стоят! Мясо! Каждый бычара ведь уверен, что он круче всех! – Он повернулся к Клыку. – Думает, махнет разок-другой со всей дури – и готово, любого снесет. Сила есть, ума не надо. А на самом-то деле сила без ума – ничто. К ней еще и мастерство требуется. И хитрость. И сообразительность. И выдержка. Да много чего еще, – брезгливо поморщившись, Босс сплюнул. – Слышь, Клык?

– Да, Босс? – Клык слушал разглагольствования хозяина с некоторым удовольствием – значит, есть там еще мозги, есть, не все так плохо.

– Чтоб этих зомби я у нас больше не видел. Рассчитай и сплавь куда-нибудь. Тьфу! Смотреть на них тошно. Кто в следующем бое?

– Двое против Мухтара. Гастролеры.

– Не ломают? – обеспокоенно осведомился Босс.

– Не, – Клык пренебрежительно сморщился. – Они тяжеленные, каждый под сто кило, двигаются еле-еле. Ногами практически не работают. Я ж говорю, борцы. А борцы – не бойцы. Тормоза.

Босс было расслабился, но тут же в его голову пришла «ценная» мысль:

– Ты пойдешь тогда, шепни Мухтару, чтоб подольше их погонял. Пусть народ хоть немного развеселит. А то публика уже зевает со скуки. Так и клиентов недолго растерять. Решат, что у нас тут сонное царство и смотреть не на что... А, ну да, новичок-то твой где?

Клык повел плечом:

– В качалке, разминается. Позвать?

Босс покачал головой:

– Сам загляну. Попозже. Пока кое с кем из гостей поздороваться надо.

Пятница – день скучный, серьезных людей среди публики увидишь редко. Да почти никогда. Но сегодня на полупустых трибунах мелькнуло лицо, которое Босс знал очень хорошо – век бы его не видеть. Сидел, как обычный зритель – кажется, только сам Босс и знал, что это за птица.

Звали «птицу» безлично – Полковник. Все, похоже, считали это кличкой, но Босс не только был уверен, что это действительно звание, но и подозревал, что на

самом деле визитер давно уже в чинах куда повыше. Хотя из себя невидный, второй раз не взглянешь. Одет Полковник всегда был скромно, непритязательно. Лицо как будто размытое, незапоминающееся. И – абсолютно бесстрастное. Из тех, что называют лицом игрока в покер – ни одной эмоции на нем не отражалось. Как, собственно, и положено сотруднику организации, о делах которой никто толком не знает – только слухи ходят. О делах же подразделения, которым руководил Полковник, даже в самых высоких инстанциях знали, что называется, три с половиной человека. Да и не только о делах – о самом существовании подразделения. Так и не поймешь, кто они, эти парни, – разведчики, контрразведчики, шпионы, диверсанты или еще кто. Сотрудники силовых структур – вот и все, что о них можно было сказать. Хотя по документам они, скорее всего, числились абсолютно мирными гражданами.

Из любопытства Босс пытался пробить номер автомобиля, на котором приезжал Полковник. По милицейской базе – не по общедоступной гражданской. И получил – ноль. Машины с таким номером в природе не существовало, вот и весь сказ. Нет, автоинспекторам-то они, конечно, известны: как увидят, так закуривают равнодушно – вроде как на пустое место глядят – или просто отворачиваются.

Зачем Полковник ходил в клуб, Боссу было известно на собственном печальном опыте. Одного из лучших бойцов он так недосчитался. Хороший парень был, перспективный, денег на нем можно было срубить – ой-ой-ой сколько. Полковник с ним две минутки поговорил – и приветик, нет парня, как и не было. Друзья и родственники только плечами пожимали: собрался в одночасье и убыл в неизвестном направлении. Босс тогда как бы между делом спросил, не знает ли Полковник – ну чисто случайно, – куда парнишка подевался. Очень уж обидно ему было ценного работника вот так терять. А Полковник только бросил коротко: «Забудь». И не было в этом коротком негромком словечке ни угрозы, ни нажима, ничего такого, но Босс моментально перестал жалеть об утраченных прибылях. Не до прибылей – самому бы целому остаться. Ему дышать вдруг стало как будто нечем. Ну вот как будто потолок на тебя опускается. Будешь рыпаться – от тебя мокрое место останется, смолчишь – может, и обойдется.

Наученный горьким опытом, Босс начал лихорадочно соображать: а сегодня-то Полковника чего принесло? Кто ему понадобился? Мухтар? Да ну, бред. Мухтар – боец, конечно, исключительный, но ведь полный псих. Такие отморозенные только на бои без правил и годятся, «им» такие точно не нужны. Кому «им», Босс представлял смутно, но не пытался уточнять – себе дороже. Нет, Мухтар там точно не в кассу. Да и видел его Полковник не один раз. Кто-то еще? Но

остальные сегодняшние бойцы – чистое мясо, которое держат про запас, для разогрева публики. А если больше никого, то...

Неужели Полковник явился взглянуть на того молокососа, которого Клык притащил? Нет, может, тот и впрямь боец, но откуда Полковник-то узнал? Если и владельцу клуба о юном даровании пять минут назад сообщили. Вот работает «контора»! Это значит, еще и в легальную секцию кто-то заглядывает, молодые таланты высматривает. Босс прошелся туда-сюда по узкому проходу за последним рядом трибун, поймал себя на желании съездить кулаком по грязной стене. Черт, черт, черт! Что творится, в самом-то деле? От приятного благодушия, привычно туманящего голову после порции травки, не осталось и следа. Какое уж тут благодушие! При таком раскладе и пожилая черепаха занервничает.

Босс начал потихоньку закипать. Ладно, думал он, служивый человек, надо бы нам с тобой все-таки разобраться по понятиям. У тебя служба – у меня бизнес. Надо поделить сферы влияния. А то что ж получается, так и будешь у меня лучших бойцов отбирать? А мне с кем прикажете работать? С такими вот обмылками? Он с ненавистью взглянул в сторону ринга, где все еще вяло молотили друг друга тупые «мясорубки», поискал глазами среди публики. Полковник сидел совсем неподалеку.

Босс протянул ему руку:

– Здравия желаю! – и кивнул на пустое соседнее кресло. – Я присяду?

Тот в ответ сухо кивнул, как бы не замечая протянутой руки.

Босс почувствовал, что вся его решимость испарилась:

– Только один вопрос, ничего?

Полковник наконец взглянул в его сторону, усмехнулся:

– Ну валяй.

– Снова кого-то заметил? – нашарив в кармане платок, Босс вытер лицо. «Вот ведь зверь, – мелькнуло в голове, – ничего еще не сказал, а меня уже в пот бросило».

Его собеседник только молча повел плечом – мол, понимай как знаешь.

– А после я опять лучшего бойца недосчитаюсь? – настаивал Босс, раздираемый двумя противоречивыми чувствами: неукротимой злостью на Полковника и безотчетным страхом, от которого холодело в животе, а колени становились ватными.

– Это уже вопрос номер два, – усмехнулся Полковник. – Но я отвечу. – Он чуть склонился к Боссу и тихо, но очень отчетливо проговорил: – Ты меня не знаешь и никогда здесь не видел. Это все... И с травой поаккуратнее все-таки, – откинувшись назад, добавил он. – Ты тут все-таки на работе. Мухи отдельно, котлеты отдельно, не забывай. Свободен!

Босс хотел было бросить в ответ что-нибудь резкое – он же «по понятиям поговорить» подошел, а с ним, как с пацаном на побегушках, – но язык не слушался. И воздуха вдруг стало не хватать. Как будто на шее защелкнули тяжеленный железный ошейник и стягивают его все туже и туже. Едва найдя в себе силы встать, владелец боксерского клуба потащился прочь. Ноги слушались плохо, пот заливал лицо, но платок куда-то делся.

Кто-то крепко взял его под руку:

– Подышать! Надо воздухом подышать! Сейчас подышим! – приговаривал, ведя его к выходу, незнакомый молодой парень. Голос звучал глухо, как сквозь вату, и чем-то очень напоминал голос Полковника.

– Ты кто? – тупо поинтересовался Босс, едва ворочая языком.

– Я-то? Да никто, – все так же невыразительно сообщил парень. – Мимо проходил, воды зашел попить. Сейчас подышим, все хорошо будет.

Спустя некоторое время – может, две минуты, а может, и два часа – Босс обнаружил себя сидящим на табуретке возле входа в клуб. Рядом с озабоченным

видом топтался охранник, бессмысленно махая мокрым полотенцем.

– Полковник там? – выхватив полотенце, Босс прижал его к лицу. Стало чуть легче.

– К-какой полковник? – еще сильнее засуетился охранник. – Вы же сами приказывали, если кто в форме, ни под каким видом не пускать. Ну дык мы... это... бдим. Откуда у нас полковникам взяться?

– Мы – бздим! – передразнил Босс. – Воды мне принеси!

– Моментом!

Парень ринулся было внутрь, но Босс остановил его окриком:

– Стой! Это... вот что... Текилы мне принеси стакан. И чтоб холодной!

Охранник исчез в подвале.

Машины, на которой обычно приезжал Полковник, на парковке не было. Ушел? Примерещился? Да ну, такой, пожалуй, примерещится... Мысли в голове двигались тяжело, со скрипом, как по ржавчине. Ничего, сейчас текилы – и полегчает. Ладно, поглядим, как дальше пойдет. Если Полковник еще одного бойца заберет, надо будет что-то предпринимать. Хотя что – непонятно. Афганцам пожаловаться? Не будут с ним афганцы связываться. С Филиппом посоветоваться? Раз он – смотрящий по городу, вот пусть и смотрит, чтоб бизнес Босса гладко шел. Хотя Филипп за просто так в сторону Босса даже не взглянет. Может, не связываться? Вот же головная боль от этих чекистов или кто они там. Ловили бы шпионов своих, так нет, непременно им везде свой хитрый нос сунуть надо, сливочки снять. Да где же текила, блин?!

Глава 4

– Нет, ну ты посмотри! Ведь русским по белому этим дурам на последней примерке талдычила, что слишком свободно, прямо мешок какой-то! Они ж

покаялись, что уберут лишнее. А где? – Наташа повернулась туда-сюда перед зеркальной дверцей платяного шкафа. – Тут сантиметра два лишних! Если не все три...

Алена отрешенно почесывала урчавшего у нее на коленях Наташкиного кота, не слишком вслушиваясь в стенания подруги. Ясно же, что платье – чудо, а Наташка цепляется к чему попало, беспокоясь, что на выпускном кто-нибудь может оказаться красивее. Вот выдумала себе проблему, ей-богу.

– Да нормально все, – бросила она в распахнутую балконную дверь, за которой то появлялась, то пропадала скачущая перед зеркалом Наташа.

– Да ты не смотришь! – возмутилась та. – Вылези с лоджии хотя бы!

– Мне и так все видно. Отличное платье получилось, Анька из параллельного все локти от зависти обкусает.

– Ага, обкусает, – жалобно протянула Наташа. – Нет, ну чего ты там засела-то? Чего убиваешься? Позвони уже своему драгоценному Боречке и не переживай! Вот, на, – на лоджию высунулась рука с мобильником. – Мой телефон возьми и позвони, – следом за рукой появилась и вся Наташа.

Кот Мартышкин, дернув ухом, приоткрыл в сторону хозяйки один глаз – чего, мол, пришла? Если чего вкусенького, то давай, а нет – не мешай, меня тут чешут, гладят и вообще.

Алена покачала головой:

– Да нет, не в этом дело. Он, когда на тренировке, мобильный дома оставляет или отключает. Чтобы звонками не отвлекали. Ладно, пустяки все. Сейчас платье до ума доведем, раз уж тебе кажется, что широко, и пойду я, – улыбнувшись, она чуть прикрыла глаза, подставляя лицо задувающему на лоджию ветерку. От осязаемого цветочного запаха – не то с приподъездных клумб, не то с соседних балконов – почему-то хотелось плакать. А это, само собой, никуда не годится.

За свои семнадцать лет Алена уже успела запомнить: плачь не плачь, никто тебе помогать не кинется, все твои беды и несчастья с тобой и останутся. Потому что

сытый голодного не понимает. Вон Наташка – и добрая вроде, и равнодушная. Но разве она может понять? У нее проблема – портнихи лишние два сантиметра в талии платья оставили. А когда твои собственные родители тебя – под дых? По крохам удалось накопить на материал для выпускного платья, сшила Алена сама, очень красиво вышло, а они... нет, плакать она ни за что не будет... взяли и продали. И мобильник – тоже загнули. Ну как же! Трубы горят, на бутылку не хватает! Нет, плакать нельзя. Что толку плакать? Еще и Борьке что-то врать придется... Борька... Плакать сразу расхотелось. Повезло ей в жизни – она встретила своего Единственного. Самое главное счастье свое. Так чего расстраиваться из-за того, что остальная жизнь не такая... счастливая? Плохо, что ему о своих огорчениях не поплачешься. Он вспыльчивый, резкий, при этом – совсем еще мальчишка. Мальчишка, который из всех сил старается побыстрее стать взрослым, а значит – помужски решать все возникающие проблемы. Если он узнает, что трясущиеся ручонки ее родителей дотянулись до ее выпускного платья и телефона – ох. Разнесет же в пыль всю их насквозь пропитую берлогу, которую домом и язык не поворачивается называть. Нет, ему нельзя говорить. Придется что-то выдумывать, врать – а врать Борьке так тяжело...

Алена вздохнула:

– Давай, надевай свой мешок наизнанку, сейчас заколем, чего там у тебя слишком свободно, застрочу по-быстрому, и все нормуль будет. Хватит сидеть, идти пора.

– Куда? – всполошилась Наташа. – Куда ты сейчас пойдешь? К своим? Ноль-два позвонить? Соседи и без тебя вызовут. Если уже не вызвали. Хотя толку-то конюшню запирают, когда лошадь свели... Как же ты так лопухнулась-то? Почему платье у меня не оставила? Лежало бы себе... А, ладно, чего теперь. Тебе и так несладко, – она с грохотом открыла швейную машинку. – Чтоб я никаких «я пойду» больше не слышала. Сиди у нас и не пищи. Скоро мать с отцом придут, ужинать будем. Ночуешь сегодня у нас. Так, что ли? – переодев платье швами наружу, она встала перед подругой.

Алена молча и споро заколола булавками «лишнее», осторожно стянула с Наташи платье, застучала машинкой. Подруга только головой восхищенно мотала, наблюдая, как ловко летают над нежным полотном тонкие Аленины пальчики. Ловкие-то они ловкие, только вот в порядок их в последний раз приводили леший знает когда. Может, две недели назад, а может, и все два месяца.

Нахмурившись, она вышла в соседнюю комнату – чтоб не смущать подругу – потыкала в кнопки телефона, вызвала на дом маникюршу.

– Срочно, пожалуйста! Да-да, прямо сейчас. Или в крайнем случае завтра с утра. И завтра же с утра голову надо будет сделать. Точнее, две головы – одна моя, вторая подруги. Обе безбашенные, – она хохотнула, хотя на душе было мрачновато. Ну ладно, хоть чем-то Алене она поможет.

– Иди мерить! – позвала та. – Талию я забрала, надо посмотреть, не тянут ли теперь подмышки...

К приходу Наташиных родителей готовое, уже отглаженное платье гордо висело на полуоткрытой дверце гардероба. Поздоровавшись, Алена опять кинулась было бежать:

– Наташ, ну пойми, позарез! Он же с тренировки ко мне обязательно зайдет. А там... сама знаешь. Ну и начнет разбор полетов...

– Леночка, что же это вы нас покидаете? – Наташина мама, Екатерина Борисовна, сбросив туфли, улыбнулась устало, но весело, даже как будто заговорщицки. – А мы-то с Тошей всяких вкусностей принесли. Я даже сказала бы, приволокли. Как верблюды, честное слово! С рынка в универсам, оттуда – в кондитерский, потом опять на рынок, потому что еще всякое вспомнили. Еле живые, я ног не чую. Вас порадовать-побаловать хотели. Ваш-то директор, Марат Измайлович наш милейший, когда я ему позвонила, только что «Слався, слався» про вас не пел – доволен, как не знаю кто. Говорит, наша школа в этом году по медалям первой в городе будет, в крайнем случае – второй. Ну а ему как директору от гороно и прочего начальства – почет и уважение. Спрашивал, какой вам подарок сделать.

– И ты, мамуля, посоветовала подарить нам жидкость для снятия лака? – съязвила Наташа.

– Вот за такие твои грубые шутки я не скажу, что ему посоветовала, – парировала Екатерина Борисовна.

– И на что, кстати, он не только согласился, но еще и благодарил за подсказку, – уточнил Наташин отец. – Ты куда бежать-то собралась, Аленушка? Что-то где-то горит?

Алена кивнула, вздохнув. От приветливости Наташиных родителей вдруг ком к горлу подкатил – так разительно это отличалось от привычных грубостей, как бы их помягче назвать, собственных предков.

– Бориса с тренировки бежит встречать, боится, что потеряется он, ах, бедный мальчик, – ехидно сообщила Наталья. – Он, видите ли, мобильник то ли отключает, то ли дома оставляет, чтоб ничто не отвлекало от движения к высотам спортивных достижений.

– Так-так-так! Ну-ка, разлюбезная моя, прекрати уже вредничать, – осадил дочь Антон Дмитриевич. – Дело-то простое. Алена, он ведь в «Дружбе» тренируется?

Девушка опять кивнула.

– Значит, сейчас мы просто позвоним в секцию и попросим, чтобы его предупредили. Ну чтобы он не к тебе домой после тренировки пришел, а к нам. По-моему, очень разумно. Тем более что после своих спортивных битв он будет голодный, как волк в конце зимы. Мы-то с Катюшей нынче с закупками что-то перестарались, как на роту запасли. Так что лишний голодный гость окажется очень кстати. Катя! – он подмигнул жене. – Там, в этой «Дружбе», одни мужики, а у тебя такой ангельский голос. Тебе и звонить, согласна? Тебе не посмеют отказать.

– Ох, подлиза! – засмеялась Екатерина Борисовна. – И это при детях! – Она шутливо шлепнула мужа по спине. – Алена, телефон клуба?

Та растерянно покачала головой:

– Я... не знаю.

– Ну не беда! – Екатерину Борисовну это затруднение ничуть не обескуражило. – Ната, давай быстренько ныряй в интернет, найди телефон, потом к нам на кухню. Мы пока богатства будем раскладывать. Кстати, девочки, на ваш

выпускной мы заказали такие торты! Я плакала от зависти! Аленушка, разуйся быстренько, куда мы тебя не отпустим. Антон, чего застыл, как египетская пирамида? Видишь, дети голодные целый день. Я по их тоскливым взорам и вздрагивающим носикам понимаю, что они готовы пихать в себя еду прямо с пакетами. Да, кстати о пакетах. Натусь, как, платье забрали? Все в порядке?

Алена прикусила губу. Не специально, нет. Обычная реплика про платье как плетью стегнула, напомнив то, что девушка заталкивала в самый дальний уголок сознания – что толку рыдать над сбежавшим молоком! Одна предательская слезинка, кажется, все-таки выскользнула...

– Та-ак. – Понятливый Антон Дмитриевич обвел всех взглядом. – Я пошел разгружать пакеты, дальше вы тут без меня. Жду всех на кухне, будем ужинать.

Екатерина Борисовна строго посмотрела на дочь:

– Кто-то, кажется, должен был найти телефон клуба?

Фыркнув, Наташа удалилась.

– Алена, – Екатерина Борисовна вздохнула. – Я знаю, что ты гордая и из тебя клещами лишнего словечка не вытянешь. Ладно, твое право. Тем более ты теперь взрослая. Почти, – устало опустившись в кресло, она потянула девушку за руку, усаживая ее рядом с собой. – Но ты же понимаешь, я Натку прижму, она все выложит. Или давай опустим подробности, просто скажи, чем мы можем помочь?

Вот потому-то Алена одновременно и тянулась в этот дом, и боялась сюда приходить. Здесь царила любовь. Даже когда Наташка совершала какую-нибудь глупость – а творила она их с избытком, – заканчивалось все не «проработкой», а дружеской беседой о том, «как распутать то, что запуталось». Ни разу Алена не слышала, чтобы кто-нибудь в этом доме повисил на другого голос. Разве что на Мартышкина, и то словно бы понарошку.

О том, что происходит в Аленином доме, Наташины родители знали, но... в общих чертах. Еще бы не знать, если она не только ночевать у них с явным восторгом оставалась, но, случалось, среди ночи прибегала, спасаясь от хмельного буйства «предков». Когда это произошло впервые, Антон Дмитриевич

пошел к участковому. И не раз потом ходил. Но участковый только вздыхал: тупиковая ситуация. Да уж, тупиковая, хоть плачь. Вот и выскочила эта предательская слезинка.

- Ничем вы мне не поможете. Никто не поможет. Они же мне родители, куда денешься. А родителей не выбирают. Такой, видно, мне крест достался. Неси и терпи, - уже справившись с минутной слабостью, Алена нашла в себе силы улыбнуться. - Недолго осталось, пустяки. Вот получу аттестат и тут же уеду.

- А Боря как же? - удивилась Екатерина Борисовна. - Разве вы не вместе?

- Я... я не знаю... - Алена растерялась. Действительно, повторяя «уеду, уеду», она ни разу еще не задумывалась - как, куда? Как будто сглазить боялась, что ли? Но и вправду - куда? На деревню к дедушке, как чеховский Ванька Жуков? Только ведь нет у нее ни дедушки, ни деревни.

Наташка влетела в комнату, на ходу тыкая пальцем в телефонные кнопки, протянула аппарат матери:

- На. Там написано, что это главный администратор. Давай...

- Алло? Добрый вечер! - дружелюбным, но все-таки чуть официальным тоном поздоровалась Екатерина Борисовна, когда ей ответили. - Это из министерства вас беспокоят. Нет-нет, ничего, по личному делу. У вас там занимается мой племянник, Козырев Борис. Ах, знаете такого? Вот и замечательно. Нет-нет, не нужно его отрывать от тренировки. Просто, когда он освободится, скажите ему, что звонила Екатерина Борисовна. Да, так. И передайте, что его ждут у Костиных. И Алена здесь же. Записали? Благодарю вас, вы очень любезны. Нет, перезванивать не обязательно, просто пусть после тренировки едет к нам. Да, он знает куда. До свидания! - Отключившись, она подмигнула девочкам. - Вот и все проблемы. И никакой надобности нестись куда-то сломя голову.

- Девчонки! - донесся с кухни голос Антона Дмитриевича. - Вы там до утра шушукаться собираетесь? Борщ разогрелся. И вообще есть очень хочется...

- Боже, какая я голодная! - Екатерина Борисовна картинно всплеснула руками. - Алена, Ната! Мухой в ванную, мыть руки. Одна нога там, другая на кухне. Кстати, доча, - она сунула ей телефон и показала глазами на Алену. - Надеюсь,

жизненные сложности не из-за того, что Алена, насколько я поняла, потеряла свой мобильник?

– Если бы только мобильник! – Наташа аж сморщилась от возмущения. – Главное-то – платье выпускное... фьюить! – она присвистнула.

Алена посмотрела на подругу с упреком и снова непроизвольно дернулась к входной двери. Но Екатерина Борисовна ситуацию контролировала, так что девушка угодила прямо в ее распахнутые объятия, успев еще не то ужаснуться, не то восхититься: надо же, она ведь нас насквозь видит, вот как, скажите, она про мобильник догадалась? Про платье-то Наташка проболталась сгоряча. А про телефон? По отсутствию выпуклости на кармане? Не Екатерина Борисовна, а Шерлок Холмс какой-то!

– Тише, Алена! – ласково сказала она, когда девушка попыталась вырваться. – Тише, девочка! Посуду будем бить в следующей серии. Если не передумаем. Значит, мобильник и платье... Вся трагедия из-за такой, уж поверьте мне, чепухи? Господи, а я-то напугалась! Думала, что-нибудь по-настоящему ужасное стряслось. Ну... например, Мартышкин с балкона свалился. Нет, я вижу, он на месте, но вот это действительно была бы беда. А платье и телефон... – не разжимая объятий, Екатерина Борисовна повлекла девушку в глубь квартиры, бросив сконфуженной дочери: – Что замерла, болтушка? К отцу на кухню – живо! По его стонам я слышу, что он затеял салат с кальмарами, так что требуется сторонний контроль. Представляете, девочки, мне приходится ревновать мужа к кальмарам! Я, должно быть, одна такая на весь мир.

– Мы тебя, мамуль, занесем в Книгу рекордов Гиннесса! – засмеялась Наташа.

– Занеси лучше белье в прачечную! – парировала Екатерина Борисовна. – Видали мы таких несунув. Точнее, несущек. Гиннесс, Гиннесс! Курица-несушка ты!

На этот раз засмеялась не только Наташа, но, следом за ней и Алена.

Екатерина Борисовна привела ее на кухню, когда салат с кальмарами был благополучно нарезан и заправлен, а борщ разогрет уже во второй раз.

– Вот так, ребятки! Всем падать в обморок! – Она вытолкнула перед собой чуть упирающуюся Алену в серебристо-бронзовом вечернем платье с высоким

разрезом спереди. – Мне самой оно всегда казалось слишком вызывающим, а тут в самый раз. С Алениным цветом волос и глаз...

– Йес-с! – завопила Наташа.

– В десятку, – подтвердил Антон Дмитриевич.

– Мр-ряу, – проворчал Мартышкин, уже успевший под шумок стянуть со стола колбасный ломоть.

– Что бы вы ни говорили, а я достаю шампанское, – решительно заявил отец семейства, ныряя в недра холодильника. – Какие красотки вокруг меня! Оранжерея! – завершил он свою реплику уже с темной бутылкой в руке.

– Ната, доставай бокалы и фартук, – скомандовала Екатерина Борисовна.

– Зачем фартук-то? – удивилась дочь.

– Ну не переодеваться же Алене сразу, пусть посидит, привыкнет. Новый костюм требуется, как бы это сказать, обносить немного. Но мы же за столом, всякое может случиться. Поэтому фартук, – повернувшись к дочери, Екатерина Борисовна назидательно подняла палец. – Да, и не гляди такими завидующими глазами, ты в это платье все равно не поместилась бы. Да, кстати, и выпускное твое, насколько я помню, впритык планировалось, да? – обняв дочь, она ласково взъерошила ее пушистые волосы. – Какая отсюда мораль?

– Какая еще мораль? – Наташа притворно надулась.

– С утра ни грамма мучного или сладкого и – на турник, на турник, – засмеялась мать.

– Да ну тебя, мам! Можно подумать, я у тебя слон. Ну поправилась чуть-чуть, пока экзамены шли, потому что шоколадом мозгу помогала. А сейчас почти что норма уже. Вон даже платье немножко ушивать пришлось.

– Да шучу, шучу, – Екатерина Борисовна, потянувшись, чмокнула дочь в макушку.

Шампанское охладилось недостаточно, и пробку Антон Дмитриевич не удержал. С глухим «бум» она отрикошетила от потолка и улетела в прихожую. Мартышкин кинулся за ней с таким энтузиазмом, что, не вписавшись в поворот, покатился кувырком.

– Это не кот, а пикирующий бомбардировщик какой-то! – Екатерина Борисовна перевела дыхание. – До инфаркта когда-нибудь меня доведет своими полетами. Сердце обрывается, как представляю, что он расшибется.

– За здоровье кота будет второй тост. – Антон Дмитриевич наполнил бокалы. – А первый, как это у нас, лихих гусар, положено, за прекрасных дам. Ох, девочки, такие вы у меня все красивые – прямо голова, на вас гляючи, кружится!

Алена опустила глаза, но вместо игры пузырьков в золотистой глубине бокала увидела вдруг переполненные окурками ржавые консервные банки на застилающей стол засаленной газете. Сдвинутый в угол старенький, еще советский транзистор бормочет что-то невнятное, отец тычет непослушными пальцами в колесико настройки, поднимает глаза... остановившиеся, точно стеклянные. Пытается улыбнуться, но непослушные губы изображают только жутковатую кривую гримасу, в углу рта надувается пузырь, растет, расплзается медленной, тягучей, отвратительной струйкой... Почему?! Почему «они» совсем другие? Да люди ли «они»? За что ей это?!

Прикрыв глаза, она поднесла к губам бокал. Свежий сладковатый аромат как будто смысл подступающий морок – страшное видение поблекло, отступило, растаяло...

Глава 5

Когда Босс вернулся в зал, зрители чуть не валились под сиденья – от хохота. «Молотобойцы», измолотившие друг друга так, что различить их можно было лишь по цвету трусов – там, где их не заливала кровь, – настолько обессилели, что едва поднимали руки для очередного удара. Один, наконец, собравшись с последними силами, сумел отвести руку для замаха, другой рукой чуть оттолкнув соперника. Но и этого «чуть» хватило, чтобы тот, качнувшись не удержался на ногах и завалился на спину, как толстая, набитая ватой игрушка.

И затих, не только не делая попыток подняться, а вообще не шевелясь. Его соперник, вложив все силы в подготовку к «решающему» удару, даже не заметил, что перед ним – никого. Замахнулся и ударил – в пустоту. По инерции крутанулся всем телом – и тоже не удержался на ногах, рухнул мешком на недвижимое тело уже поверженного противника. Так и лежал, слабо шевеля ногами, как будто пытался отползти в сторону.

Зрители свистели и хохотали.

Под этот уничижительный гвалт судья, нагнувшись, приподнял руку того, что лежал сверху – мол, вот он – победитель.

Забившийся в угол Глеб, закусив губу и морщась от отвращения, лихорадочно заполнял листы рисовального блокнота мгновенными набросками. Смотреть на «шоу» было гадко, но художник в этот момент оказался сильнее человека. С удивлением он поймал себя на том, что не испытывает ни капли сочувствия. Вот они – избитые, окровавленные, изувеченные. А в душе – ни намека на жалость. Только брезгливость и отчасти раздражение. Как будто перед ним – не люди, а роботы. Киборги или что-то в этом роде.

Он шепотом поинтересовался у соседа, сколько заплатят победителю. Названная сумма выглядела настолько ничтожной, что Глеб опешил. Да этого же не хватит и на визит к врачу. Зачем, ради чего они лезут на ринг? Это какая же безнадежно жуткая жизнь может довести людей до подобного состояния? На них даже зрители с презрением смотрят. Вон у того, что через три кресла сидит, на лице такое выражение, точно хочет сказать: «Да хватит вам уже придуриваться, надоели».

Нет, вымотанные до бессознательного состояния соперники не придуривались, конечно. Просто «тот, что сидел через три кресла» от Глеба, знал о подпольных боях изрядно, так же, как футбольный болельщик знает биографии игроков, истории команд и даже семейное положение судей. Знал «тот, через три кресла» и о том, что эти двое – давние друзья, когда-то известные спортсмены одной из тогда еще советских республик, а теперь приезжают оттуда в Россию на заработки. Ринг для них – единственное место, где они могут заработать. А лечиться после сегодняшней схватки они нигде не будут, отлежатся у знакомых, а на деньги, которые показались Глебу ничтожными, их семьи проживут несколько месяцев. И сегодняшняя их схватка – не случайный каприз судьбы, а обычный договорняк. Точнее сказать – верняк. Потому что при любом исходе

поединка призовые деньги делятся пополам. И это далеко не первая подобная схватка. Такой вот простой, хотя и кровавый бизнес.

Когда объявили следующий поединок и на ринге, ужом скользнув меж канатами, появился Махмуд, больше известный публике как Мухтар (псевдонимы и клички среди бойцов были делом обычным), зрители оживились. Кое-где на трибунах даже слышались хлопки... Публика приветствовала знакомого и уважаемого бойца.

- Махмуд! Ай, красавец! - крикнул кто-то. - С того света вернулся? Круто!

Смотревшие последний бой кавказца шутку оценили и поддержали аплодисментами. Тогда, пропустив удар, Махмуд вылетел с ринга через канаты и врезался головой в одно из зрительских кресел - с такой силой, что выбил его из-под сидевшего. До приезда «Скорой помощи» кавказец лежал без сознания. Клубный врач только вздохнул - все, отпрыгался боец, не через час, так через сутки лежать ему под холодными сводами морга. В публике заключались скоропалительные пари на то, сколько Махмуд еще протянет. Особо отважные предлагали один к десяти на «выживет - не выживет», но даже при столь щедрых условиях желающих рискнуть было немного. То-то они теперь ухмылялись. Десяти дней не прошло, а Махмуд - вот он! Только голова вся в еще не заживших после столкновения с креслом шрамах. А сам улыбается, рукой машет - привет, мол, я тут, я в порядке, как огурчик. Живучий, черт!

С другой стороны к рингу подходили сразу двое. Такое допускалось, если заявленная пара участвовала в боях без правил впервые. На фоне небольшого жилистого Махмуда его противники - мастера спорта по классической борьбе, возжелавшие превратить спортивный опыт в звонкую монету, - выглядели как две горы мышц и явно не сомневались в собственном превосходстве. Да чего там! Двое против одного, элементарно же! Тем более мы - борцы-тяжеловесы, мы вон какие, мы этого «маугли» просто массой задавим! Облапим, обождем, завалим и расплющим! Уделаем, как бог черепаху!

Но если приглядеться, в глазах «богатырей» можно было различить что-то вроде страха. Они не понимали, почему противник - на одну ладонь посадить, другой прихлопнуть - их не боится. А все непонятное пугает. На что рассчитывает этот черт нерусский? Смотрит, будто они у него родного брата убили. И верткий, похоже, как угорь. И прыгучий. А глаза - холодные, спокойные... Да нет, чего там, завалим без проблем! Борцы поводили плечами, сунули брови, порыкивали

грозно. Трибуны отвечали им свистом.

Подойдя к тому углу ринга, где разминался Махмуд, Клык почти неслышно шепнул:

– Муха, ты этих мамонтов с ходу не гаси, ладно? Погоняй раунда до седьмого, потом одного выключи, а второго еще повози. Ну до десятого раунда? В десятом положишь?

Не поворачиваясь и не разжимая губ, Махмуд-Мухтар процедил тихо: «Две ставки».

Клык дважды хлопнул его по плечу – это означало, что условие принято.

Мухтар продолжил разминку, как будто не обращая внимания на то, что судья уже приготовился объявить начало поединка. Не встал в выжидающую боевую стойку, не демонстрировал готовности к схватке – просто разминался, разогревая послушные мышцы.

Гонг!

Борцы кинулись на кавказца с двух сторон, явно намереваясь взять его в удушающую «коробочку», – но звонко шлепнулись друг в друга. Там, где только что стоял Махмуд, оказался только воздух. Кавказец просто прокатился между летящими на него глыбами, успев в прыжке воткнуть твердую, как железо, ладонь одному из нападавших в колено, второму – прямо в солнечное сплетение.

Зрители радостно взревели.

Взревели – обиженно и недоуменно – и борцы. Глаза их засверкали почти звериной яростью. Да что этот попрыгунчик себе позволяет?! Схватка едва началась, а один уже ногу подволакивает, второй вздохнуть толком не может – как выброшенная на берег рыба. «Мамонты» обменялись взглядами. Ну мы его сейчас!..

Но каждый раз, когда им казалось, что все, попрыгунчик загнан в угол и теперь ему конец, тот проделывал очередной акробатический пируэт, оказываясь за

спиной у соперников. Некоторые пируэты сопровождались ударами – молниеносными но поражающими, как укусы кобры или укол скорпиона.

От раунда к раунду борцы двигались все медленнее, явно теряя силы и способность к ориентации. А Махмуд даже почти не вспотел! Он как будто танцевал – легко, весело, стремительно.

В седьмом раунде «танец» сосредоточился вокруг борца с поврежденным в начале схватки коленом. Еще один «укус кобры» – точно в нервный узел – и второе колено отказалось слушаться. Здоровяк застыл в углу ринга. При попытке шагнуть ноги, простреливаемые болезненной молнией, так и норовили подломиться. Его напарник, тяжело пыхтя, топтался рядом – пытался отогнать или отвлечь неуловимого кавказца. А тот, словно поддавшись, отодвинулся к центру ринга – и опять оказался за спиной, чертов попрыгунчик! Еще не успев понять, куда делся противник, борец получил удар ногой в поясницу – с виду несильный, но здоровяк взвыл и клубком укатился к канатам.

Второй застыл в углу, не в силах двинуть ногами. Трибуны затихли...

Но Махмуд, вместо того чтобы последним ударом отправить противника в глубокий нокаут, слегка присел, приподнял канаты и кивнул: «Уползай!» Он произнес это абсолютно спокойно, без тени ярости или хотя бы пренебрежения. С полсекунды загнанный в угол пытался осознать происходящее, лицо его мучительно сморщилось. Потом вдруг глаза расширились, он опустил голову – почти упал – на четвереньки и сполз с ринга.

Зрители взвыли от восторга! Аплодисменты и свист перемежались криками, кто-то даже начал скандировать «Мухтар – чемпион! Мухтар – чемпион!» Махмуд сдержанно поклонился залу, как будто забыв про второго борца, который уже поднялся, но боевого энтузиазма не демонстрировал.

После гонга, возвестившего окончание седьмого раунда, уцелевший кинулся к своему тренеру-менеджеру и весь перерыв убеждал его, что пора выбросить на ринг полотенце – знак отказа от продолжения схватки. Тренер только мотал головой и шептал: «Закрыться и стоять, закрыться и стоять. Каждый раунд – еще штука баксов».

В первые секунды после гонга к восьмому раунду можно было слышать свистящий, как змеиный, шепот – боец повторял: «Штука баксов, штука баксов...»

Последние три раунда напоминали плохую корриду. Бывает, что бык тореадору попадает негодный – вялый, квелый, почти безразличный, нападать не желает, на все попытки раздражить чуть не спиной поворачивается. Сейчас на ринге происходило что-то в этом роде: как ни плясал Махмуд вокруг противника, как ни пытался «гонять» его по площадке, тот только забивался в угол и сжимался в комок, послушно терпя удары. Ударов, впрочем, было не слишком много: кавказец тянул время.

Зрители начинали недовольно свистеть. Но, когда до конца десятого раунда оставалось секунд пятнадцать, Махмуд, подкатившись клубком борцу под ноги, словно подпрыгнул, выстреливая вверх обеими ногами – точно в подбородок противника. Голова у того дернулась, руки упали, и вся гора мускулов обвисла на канатах. Потянувшись, Махмуд легонько хлопнул отключившегося борца по затылку, и тот начал медленно заваливаться на ринг.

Борис следил за схваткой из коридора. Следил сосредоточенно, неотрывно, не прекращая между тем разминаться. Своего будущего противника он разглядел в тренировочном зале – ничего интересного. Обычная боевая машина, да еще и на публику любит работать. Корчил Борису рожи, ухмылялся пренебрежительно, обещал на первой секунде по канатам размазать. А сам – ничего особенного. Накачан прилично, даже перекачан, как будто не боец, а бодибилдер. Толку-то от этих мускульных «красот»... А вот с глазами у парня проблема. Не о том ли Клык хотел на ухо шепнуть, да не успел? Не то из-за нервного тика, не то еще почему, каждые пять-семь секунд амбал терял боковое зрение. Не совсем, но, судя по движениям, ощутимо. Пусть этот «провал» длится лишь долю мгновения, думал Борис, этого мне хватит, чтобы покончить с этим, так сказать, любимцем публики.

Когда рефери объявил: «В синем углу ринга неистовый Иван Мозоль» и трибуны одобрительно загудели, Борис только усмехнулся, отыскивая глазами Глеба. Тот, вцепившись побелевшими от напряжения пальцами в альбом, что-то шептал. Батюшки! Да он молится, что ли?! Во дает брательник! Неужели впрямь не понимает, что сейчас будет? А еще художник! Где твой глазомер, мазила?!

Девушка на высоченных каблуках, забавно повиливая аппетитной задницей, демонстрировала публике табличку с номером раунда, в ухо что-то нашептывал Клык, а Борис сосредоточился на подсчете: с каким интервалом у Мозоля подергивается глаз. М-да. Неровно как-то. Сперва пять секунд, потом девять, потом семь... Ага! Вот опять: пять, девять, семь. И опять. Все, уважаемый кровавый мозоль, я тебя посчитал. Да-да, как тот козленок из мультика. Ну козленком дадим тебе попрыгать. Давай, покажись публике – повопи, поскачи, позадирай эффектно свои перевитые канатами мышц ноги. Попрыгай, а я погляжу, с какой стороны тебя брать...

Мозоль тоже не собирался «класть» выставленного против него пацана сразу – положишь, а потом Клык весь мозг выест, мол, публика зрелища желает. Это Мозоль успел усвоить твердо. А мальчишка напротив – тьфу, его в любой момент положить можно. Вот Мозоль и тянул время – танцевал по рингу, красовался мускулами, проводя эффектные, хотя и не слишком опасные атаки, от которых «пацан» до поры до времени уходил. Но Мозоль бился не первый день, потому знал: ушел раз, ушел другой, потом начнет уставать и свой удар словит. А пока попрыгай, пацан, публика это любит. И я с тобой попрыгаю...

Пропрыгал он до середины второго раунда.

Босс, наблюдавший за боем из центральной ложи, только ахнул, когда Борис провел свой первый в этом поединке – и он же последний – удар. Движение было настолько стремительным и точным, что никто – ну почти никто – не понял, что произошло. Вот только что Мозоль плясал по рингу, осыпая никому не известного парнишку градом ударов – парнишка уворачивался каким-то чудом, не иначе. Вот сейчас он рухнет, вот сейчас...

И вдруг вместо этого парнишка спокойно, чуть не вразвалочку идет в свой угол. А Мозоль, наподобие изображающей умирающего лебедя балерины, делает шажок туда, шажок сюда, взмахивает – так же по-балетному – руками, словно мух от себя отгоняет... и, сложившись пополам, падает на ринг с таким звуком, что любому, кто хоть немного понимает, ясно – сам уже не встанет. Готов боец.

– Он – бог! – Босс вытащил из портсигара папиросу с анашой, щелкнул зажигалкой, втянул едковатый дым – автоматически, как будто забыв, что находится не в собственном кабинете, а в полном посторонними зале.

Впрочем, никому, кажется, и дела не было.

- Повтор! Повтор дайте! - кричали тут и там.

Это было последнее нововведение: теперь каждый бой снимался - да не одной, сразу четырьмя камерами - и по завершении схватки желающие могли купить видеозапись. Бывало, впрочем, и как сегодня - зрители требовали показать подробности произошедшего на ринге. Босс махнул сидевшему в будочке под потолком технику. Под скрип старых лебедек на ринг поползло полотнище экрана.

- Сразу конец боя давай! Второй раунд, - крикнул Босс вверх. Ему и самому не терпелось посмотреть на случившееся перед его глазами чудо в замедленной съемке.

На деле чуда и не было. Борис в какой-то момент прекратил отступать и уворачиваться, ушел влево, ткнул противника пальцем в солнечное сплетение и пошел прочь от сонно взмахивавшего руками Мозоля.

- Я не понял, это чо? - произнес пьяноватый голос, очень отчетливый в наступившей вдруг тишине.

Шагнув из своей ложи, Босс заметил, что его пошатывает. Ну еще бы! Увидеть такое - и в собственных владениях... Это... это... Черт, да такой шанс один раз в жизни выпадает - и то не всем.

- Всем выпивку за счет клуба, - распорядился он. - За рождение бога!

Полковник, сидевший в служебном микроавтобусе неподалеку, смотрел повтор уже в третий раз - он-то и оснастил перспективный клуб камерами раньше, чем до этого додумался сам хозяин.

- Бог не бог, это мы без тебя разберемся, знаток хренов, - бормотал полковник себе под нос. - Но скорость и реакция у парня, как у Мохаммеда Али. Если не лучше... Вот за это я и люблю свою страну, - обратился он к технику за пультом. - Если веришь в чудо, оно непременно происходит. Рано или поздно. И в нашем случае я очень надеюсь, что еще не поздно. Так, ребятки, давайте в

управление, я вам тоже выпивку проставлю. Оно того стоит.

«Ребятки» переглянулись. Ни фиги себе! Последний раз такое случилось, когда – ох, тогда никто не верил, что получится, – когда письмо с ядовитым приветом из преисподней дошло до Хаттаба. Ох, как они тогда все напильсь! И шеф не возражал – наоборот, улыбался, повторяя: «Ну молодцы, ребята, хорошо сработали!»

Глава 6

Сергей Валерьевич возвращался домой раньше обычного – в компанию, где он работал системным администратором, нагрянула налоговая инспекция. Пока начальство вешало незванным гостям на уши всякую лапшу – попросту тянуло время, – он почистил все, чего не должны были видеть господа проверяющие. За несколько минут финансовая документация превратилась в образец чистоты и прозрачности. «Лишнее» благополучно исчезло – потом, когда «шторм» закончится, он восстановит все с резервных копий, до которых этим самым гостям не добраться.

Кто бы мог подумать, что многообещающий художник сделает карьеру «на компьютерах»? Сергей Валерьевич, если бы ему в те стародавние времена такое сказали, расхохотался бы. Да тогда и компьютеров никаких не было. Ну то есть были, конечно, но... Впрочем, что вспоминать. Жизнь любит неожиданности. Работу нынешнюю Сергей Валерьевич, как ни странно, любил, она дарила приятное ощущение собственной значимости, почти незаменимости. Особенно во время «штормов». А сегодняшний «набег» его особенно обрадовал. В-первых, теперь, пока контролеры не уберутся, можно на работе вовсе не появляться. Точнее, даже нужно. Как будто его в природе не существует: ну да, числится у нас системный администратор, но он приходит, когда неполадки какие-нибудь, а когда все в порядке – чего ему тут сидеть? Так отвечал на вопросы кадровик.

Зато после выхода «из подполья» – и это главное – Сергея Валерьевича, как водится, ожидает благодарность руководства. И отнюдь не только словесная. А конвертик с премией сейчас будет более чем кстати: последние месяцы оказались весьма затратными, даже в долги залезть пришлось. Окончание

школы – особенно выпускной вечер – серьезный удар по семейному бюджету. А им-то с Машей пришлось раскошелиться вдвойне...

Да, визит налоговиков очень ко времени.

Может, даже удастся уговорить Машу отказаться от сверхурочной работы. Она, ясное дело, бодрится, но он-то знает, насколько жена устает. И не только устает. Вон за год уже второй раз очки меняет, это ж не дело – в сорок-то лет. Хотя очки ей, безусловно, идут. Такая стала бизнес-леди, что дух захватывает. И бледность ей к лицу, и тени на висках – Маша с ними похожа сразу на Грету Гарбо и Одри Хепберн. Вот только на деле-то ничего хорошего нет ни в бледности, ни в тенях. Сергей с Машей последний раз отдыхать выбирались, когда Глеб с Борисом восьмой класс оканчивали – три года назад то есть.

В самые тяжелые времена, когда казалось, что жизнь кончена, именно Маша не дала ему потерять человеческий облик. И как будто до сих пор так и не может остановиться, вздохнул Сергей Валерьевич, крутится, как белка в колесе. Пора, пора взять паузу. Если будет отказываться – заставить. Силой или хитростью, как придется. Ну не может человек без отдыха ляжку тянуть. Не должен.

Дома было тихо – ну да, Борис должен быть на тренировке, а Глеб наверняка где-то с этюдником болтается, – но откуда-то тянуло табачным дымом.

– Маша! – позвал он, сбрасывая ботинки. – Ты дома? Маша, кто у тебя?

Она сидела в гостиной за пианино: одна рука задумчиво перебирала клавиши – аккорд, короткая печальная мелодия, еще аккорд – в другой дымилась сигарета.

Курить Маша бросила еще в институте, когда узнала, что беременна. После того Сергей Валерьевич видел ее с сигаретой всего однажды – на поминках матери.

– Машенька, что стряслось?

Она слабо покачала головой:

– Все в порядке...

Ну да, подумал Сергей Валерьевич, вижу я это «в порядке». Подумав секунду, он метнулся в прихожую:

– Сейчас, сейчас... Помнится, у нас после Восьмого марта где-то коньяк оставался...

Коньяк обнаружился в кухонном столе, за пакетами с гречкой и рисом. Рядом торчала шоколадка – тоже, должно быть, забытая с Восьмого марта, когда к ним приходили Костины и еще кто-то. Главное – делать вид, что ничего особенного не происходит. Ну да, коньяк посреди бела дня ни с того ни с сего трескать – вроде как пустяки.

– Вот, – бодро сообщил он, шурша фольгой. – Даже закуска нашлась. Старая, но шоколад есть шоколад, правда? Ну, за что пьем? Просто за нас или?..

– Или, – слабо улыбнулась Мария Петровна. – Меня уволили.

Он чуть не выронил рюмку.

– Как?! Они что там все, с дуба попадали? Нанюхались чего-то? Мухоморов объелись? Они ж без тебя через месяц загнутся. Кто их двойную бухгалтерию пятый год на себе тащит, как... как бурлаки на картине Репина!

Маша понюхала рюмку, подумала секунду и, зачем-то зажмурившись, лихо опрокинула в себя коньяк. Шмыгнула носом, сморщилась и вдруг улыбнулась:

– Да не в бухгалтерии дело. И слава богу, что все закончилось. Сколько ты меня уговаривал уйти оттуда? Вот все и сложилось.

– Но...

– Да никакое не «но». Я сегодня съездила по рожке нашему генеральному. И, разумеется, моментально оказалась на улице. Ну, фигурально выражаясь. И знаешь, это было такое удовольствие... жалко, что не плюнула, а только врезала.

– Ну наконец-то! Видел же я его: сам молодой, ему же, кажется, лет тридцать всего, а наглый, как... Больше его наглости только его толщина. Но как ты сподобилась?

Она пожала плечами:

– Ну... он сказал... можно я повторять не стану?

– Как изволите, моя леди! – Сергей Валерьевич прижал ее к себе. – Когда ты ему врезала, он бегал от тебя по кабинету и прятался в шкаф?

Маша наконец засмеялась:

– Нет, до такого не дошло. Но взвизгнул, как... И щека такая сразу красная-красная... Уволю, пищит, в полицию позвоню... Звоните, говорю. Пока он вопил, я заявление написала, в нос ему сунула и ушла.

– Вот и молодец! А я-то сейчас шел домой и придумывал, как бы тебя из этой конторы вытащить и хоть на пару недель на море отправить. Как раз скоро деньги внеплановые будут. Ну через неделю максимум.

– А ты-то чего так рано? – сообразила вдруг она. – Я даже поплакать толком не успела. Никакой личной жизни...

– Рано, потому что налоговики явились нас трясти. Ну я компромат почистил, носители в рюкзак побросал – и в бега. Так что мы оба в отставке. – Он нежно поцеловал жену в макушку. – Правда, я во временной. Но вполне можно заняться опровержением твоего странного заявления. Ну насчет того, что никакой личной жизни...

Через час покрасневшая, помолодевшая Мария Петровна, кутаясь в мужнин халат и озорно сверкая глазами, заявила со смехом:

– Ты меня с мысли сбил своими...

– Своими – чем? – подмигнул Сергей Валерьевич. – Что-то не так было? Вы желаете провести работу над ошибками? Прямо сейчас или все-таки до ночи

отложим?

- Да ну тебя! Я насчет Борьки поговорить хотела. Точнее, насчет Алены.

- А что насчет Алены? Хорошая девочка, умница, красавица...

- Скажи еще - комсомолка, спортсменка... Алена очень хорошая девочка, но вот родители...

- Да знаю я! Но я ж не врач-нарколог! Девочка-то в чем виновата?

- То-то и оно, что ни в чем. Ты ж понимаешь, что как только ребята получают аттестаты и Борька заработает свои первые три рубля, он и Алена тут же снимут какой-нибудь сарай и станут там с утра до вечера и с вечера до утра распевать арии про рай в шалаше?

- Ты опасаясь, что сарай этот мало того что на краю географии может оказаться, так еще и юные влюбленные, обеспечивая себе самостоятельность, могут надорваться?

- Ну да, что-то в этом роде.

- Да, бывает, - Сергей Валерьевич вздохнул. - Но что-то мне подсказывает, что у моей сообразительной супруги уже есть в голове гениальный план: чтоб и овцы сыты, и волки целы. Ну или наоборот.

- Сереж, я серьезно. Я тут встретила почтальоншу нашу, тетю Лизу. Да знаешь ты ее, она еще дворником на полставки подрабатывает.

- Ну, положим, знаю. Собачка у нее смешная, на снеговой лопате любит кататься.

- Точно, Мусей ее зовут, - Мария Петровна засмеялась. - А дворником тетя Лиза пошла, чтоб сыну не мешать. Ну в смысле квартирного вопроса. Сама в служебной живет, а сын вроде и отдельно, но в то же время на глазах. Квартира-то у них в трех шагах от нашего дома, в угловой девятиэтажке.

– А при чем тут... – Сергей Валерьевич смотрел на жену с некоторым недоумением.

– При том, что Сашка ее – хороший, кстати, парень, без нынешних закидонов – недавно уехал по контракту работать. На два года. В Канаду.

– И квартира осталась...

– Ну да! Тетя Лиза уже в служебной привыкла, говорит, чего я туда-сюда перебираться буду. Там две комнаты, она все свое и Сашкино имущество в одну стащила, заперла, получилась как будто однокомнатная, – она подвела мужа к окну. – Вон, смотри, второй этаж сверху, где на балконе старый холодильник. И пусть Борис с Аленой ничего не придумывают, поселятся пока в Лизиной квартире, а дальше пусть женятся не женятся, это уж как выйдет. Главное, чтоб они в погоне за самостоятельностью не надорвались и глупостей не наделали. Что скажешь?

– Что тут скажешь? – Сергей Валерьевич церемонно поклонился. – Я всегда знал, что жена у меня – всем головам голова. Только... А мы потянем?

– Мы – да не потянем? – засмеялась она. – Мы же вместе.

Глава 7

Выйдя из душа, Борис обнаружил в раздевалке Босса, Клыка и явно нервничающего Глеба. Ну да и было отчего – Босс рассматривал его рисунки. Перелистывал, подносил к свету, шурился, качал головой, даже причмокивал:

– Да ты, дорогой товарищ, просто какой-то Шишкин! – Босс одобрительно щелкнул языком. – Или этот, как его, который девятый вал изобразил. Не помню фамилии. Помню, что армянин. Хорошо картинки продаются?

Слабо улыбнувшись, Глеб повел плечом:

– Я их вообще-то не продаю, это же всего-навсего наброски.

Он умоляюще посмотрел на брата – спасай, мол, тону.

– А ты из них потом нормальные картины делаешь? Ну и правильно! У нас тут все тренируются. И ты, значит... Ну а если это все-таки продавать, то сколько будет стоить? Так, ориентировочно, – не унимался Босс.

– Если ты знаменитый, раскрученный художник, то дорого. Если никому не известный, то ровно столько, сколько стоит эта бумага. Даже меньше, потому что бумага уже использованная, – отрезал Глеб, протягивая руку за альбомом.

Босс посмотрел на него с выражением крайнего удивления, потом перевел взгляд на Бориса, который вытирался так сосредоточенно, словно это было главным делом жизни.

– Понятно... – Босс усмехнулся. – Ты, значит, делаешь свое дело, а деньги – второй вопрос. А вот брат твой, думаю, о деньгах не забывает, иначе на ринг бы не вышел. Строго говоря, он сегодня ничего не заработал. Потому что это был экзамен, а не работа. Но мы, – Босс почему-то говорил во множественном числе, словно объединяя себя с Клыком, который на самом-то деле мало что решал, – тем не менее считаем, что удачно сданный экзамен заслуживает вознаграждения, – выткнув из кармана бумажник, он достал оттуда пачку долларов, ловко перелистал и пальцем поманил к себе Бориса. – Ничего, если премиальные будут в валюте? – усмехнувшись, он протянул юноше несколько купюр. – Ты принят в наш бойцовский клуб. Завтра у тебя первый рабочий бой. Клык объяснит детали.

Босс вдруг оглянулся, словно искал чего-то. Ему послышался женский вздох. Точнее даже, усмешка. Презрительное хмыканье. Невидимой женщине не было надобности произносить ни единого слова – для смешанного с паникой узнавания ему было довольно и вздоха. Когда-то в этих вздохах не звучало ни намека на презрение – только страсть. А уж как был влюблен он сам – ходил, словно не касаясь земли. Два влюбленных студента – без денег, без связей, без перспектив. И ведь их это совсем не беспокоило. Подумаешь, неизвестно, чем удастся завтра пообедать! Может, и ничем. Ну и ладно, можно обойтись пустым чаем – бледным, в третий раз «пожененным», почти бесцветным. А если удастся стащить из общежитской столовой пару кусков хлеба – вообще пир горой!

Боже, как давно это было! Да и было ли? Наверное, все-таки было – он ведь помнит эти «пиры»... А потом появились деньги... И там... нет, лучше не вспоминать. Задвинуть в самый дальний угол сознания. А еще лучше – выкинуть из головы напрочь, смыть лишней порцией текилы, занавесить дымом очередного косяка... Забыть, в какой из дней ее не стало. А деньги – остались. Кто там сказал, что деньги, может, и не приносят счастья, но очень хорошо успокаивают? Хорошо сказал, отлично успокаивают, чистая правда. Он ведь и впрямь уже все забыл. Только иногда она еще – вот как сейчас – вздыхает где-то за спиной. Эй, чего тебе от меня надо? Отцепись! Давай, давай, до свиданья!

– Босс, спокойно! Все в порядке! – Клык стоял рядом и держал его за руки. Борис и Глеб испуганно отступили.

– Что такое? – Босс резко отбросил руки Клыка. Черт! Должно быть, забывшись, он обратился к той, которую так старался вычеркнуть из памяти, вслух. Вот стерва, долго она еще ему нервы будет трепать?! Босс обвел взглядом Клыка и близнецов – словно видел их впервые – потряс головой, прогоняя морок, и с недоумением уставился на зажатую в руке банку пива. Откуда взялась? Впрочем, неважно. Пиво – это то, что нужно.

Он отхлебнул – действительно, сразу стало легче. Зажатая в руке Бориса пачка долларов помогла вспомнить все остальное. Лицо Босса снова стало обычным – непроницаемо надменным:

– Всем спасибо! Все свободны! – он развернулся, намереваясь уйти, но взгляд упал на альбом. – Ах да, чуть не забыл. Я покупаю это. Все, целиком. Сколько там? По десять баксов за рисунок, подойдет?

Глеб растерянно взглянул на брата, но тот смотрел в сторону.

В ситуацию вмешался Клык.

– Нормальные деньги, не вопрос! Бери, парень, пока есть что брать, – он хохотнул. – Босс, я рассчитаюсь.

– Это я покупаю, а не ты! – оборвал его Босс и, остановившись напротив Глеба, уставился ему в глаза. – Посчитай, дорогой художник, сколько с меня.

Глеб бросил на брата затравленный взгляд – ты со мной? Или ты с ними?

Борис отвел глаза.

– Спасибо за предложение, – чуть дрогнувшими губами Глеб изобразил что-то вроде улыбки. – Я подумаю... Впрочем... нет. Чего тут думать?! – Он протянул альбом. – Я вам дарю эти рисунки. Не так часто я встречаю таких искренних поклонников своего небольшого таланта. Наслаждайтесь. – Развернувшись, он двинулся к выходу. Босс, Клык и Борис молча смотрели ему вслед.

Едва Глеб шагнул за порог, как мимо него в раздевалку вбежал охранник.

– Что такое? – Босс недовольно прищурился. – Почему оставил пост?

Охранник кивнул на Бориса:

– Ну так это... Тут вот этому звонили. Из министерства, сказали. Вроде тетка его, Екатерина Борисовна. Просила передать, чтобы он к ней ехал, – охранник уже жалел, что, поддавшись на внушительное «из министерства беспокоят», ушел с поста. А тут все начальство в сборе, извольте радоваться. Сейчас как вломят по первое число. Клык любит штрафы накладывать, а уж Босс-то...

Но тот почему-то продолжать выговор не стал.

– Вот как?! – отвернувшись от охранника, Босс переключил внимание на Бориса. – Так ты у нас из сливок общества? Серьезная новость. Так и не подумаешь.

Борис сообразил, в чем дело, моментально. Аленка! Звонила наверняка Наташкина матушка. Значит, Аленка у них. И, значит, что-то опять стряслось. Впрочем, чего там «что-то», ясно, опять ее предки что-то отчебучили, вопрос только в деталях, а детали он узнает, как только...

Так, хватит на сегодня бойцовских событий, пора отсюда сваливать. Он изобразил на лице легкомысленную, почти глуповатую улыбку:

– Ха! Ну да, сливки еще те. Она действительно в министерстве работает... В буфете! – уточнил он со смешком. – Чай, бутерброды, то да се. Я ей обещал сегодня забежать, с интернетом помочь. Чего-то у нее там заглохло, а она без «Одноклассников» дня прожить не может. Так что я пойду, ага? – Он стал быстро одеваться.

– погоди секунду, – остановил его Босс, которого осенила внезапная мысль: вдруг новообретенный «бог ринга» ускользнет из его рук. – Как у тебя с армией? Ты же по возрасту... ну типа призыв скоро...

– Не-а! – Борис дурашливо замотал головой. – Военник на руках!

– Не понял! Уже отмазали?

Борис опять замотал головой:

– Не, таких средств не имеется. Все по-честному.

– Так ты болен чем-то? – с явной тревогой уточнил Босс. – Инвалид? Ну-ка выкладывай. Это принципиально.

В брошенном на Клыка мгновенном взгляде явственно мелькнула уже не тревога – злость. Вот так и бывает: притащат кого-нибудь, не разобравшись как следует. Кто потом отвечать будет, если что случится?!

– Все просто, – Борис пожал плечами и слегка нахмурился. – Только это между нами, хорошо? Это мы с Глебом смастерили. Мы в разных военкоматах на учете встали. Его специально, когда он паспорт получал, прописали у тетки нашей, в Ставропольском крае, в станице. Чтобы ему поступать легче было, в Строгановку. Там разрядка какая-то, для сельских жителей. Ну он и военный билет там получил – астма у него. А потом здесь за меня комиссию проходил. Так что у меня теперь тоже вроде как астма. Ну по документам.

– Так вы, братья-кролики, аферисты получаете? – Босс облегченно рассмеялся. – Сегодня военный билет, завтра кредиты начнете оформлять, да?

Борис насупился, скрипнул зубами. Зачем, зачем он рассказывает этим людям про свои семейные тайны?! Вот болтун! Ох, Боря, Боря, доведет тебя твоя неосмотрительность до беды. Ты же теперь в лапах у этого волчары. Ладно, пускай попробует что-нибудь доказать.

– А вы бы своего сына в армию отдали? – довольно агрессивно спросил он.

– Я? Своего? Конечно, отдал бы... – без малейшего раздумья ответил Босс и, выдержав паузу, добавил с усмешкой. – Только не в нашу, само собой. В Иностраннный легион. Это во Франции, слышал про такой? Вот туда бы отдал. Ну, правда, сына у меня пока нет. Только собираюсь заняться этим приятным делом. Если доживу до этого момента.

Босс почувствовал, что его снова накрывает волна дурмана, и, не дожидаясь, пока перед глазами окончательно расплывется, двинулся к выходу. Охранник посторонился было, давая пройти, но Босс взял его за рукав и потянул за собой:

– Отвезешь меня домой. Быстро.

Оставшись с Борисом с глазу на глаз, Клык словно обмяк:

– Ну наконец-то свалил! Вот черт, как же его колбасит-то! А, ладно. Слушай сюда, – обратился он к Борису. – Завтра я тебя поставлю на бой с одним приезжим. Он мужик крутой, но для тебя не опасный. Тем более что я его знаю как облупленного. Есть у него парочка слабых мест. Тебе ж надо лицо побережь, для выпускного бала, – он хохотнул. – Услугу оказываю не бесплатно. И эту, и потом. Ты мне – никто, и сбоку бантик, просекаешь? – Клык понизил голос, оглянулся. Но в раздевалке было тихо, только в душевой капала вода, да из-за окна слышался автомобильный рокот. – С каждой встречи будешь отдавать двадцать процентов, понял? Болтнешь чего Боссу, потом не обижайся. Ну а станешь нормально себя вести, я тебя на большие деньги выведу. Тогда уж сам сможешь решать, стоят мои услуги двадцати процентов или нет. Скажу напрямки – что ты меня встретил, это для тебя подарок судьбы. Ну и для меня встреча с тобой может шансом оказаться. Иначе не выползти из этого болота. Предлагаю выползать вместе. По рукам?

Пожимая протянутую руку, Борис прищурился:

– Только одно условие. Про завтрашнего моего соперника ты не говоришь мне ни слова. И так будет всегда.

– Тогда надолго тебя не хватит. И я тебе тогда не очень нужен. Ты мне нужен живой и здоровый.

– Я сказал, – отрезал Борис.

– Сказал так сказал, – примирительно хмыкнул Клык.

– Дай телефон, мне позвонить надо, – почти жалобно, без следа недавних железных интонаций, попросил Борис.

Захохотав, Клык протянул ему мобильник.

Глава 8

Висевший под потолком ресторанный зал стробоскоп бил фосфорическими вспышками над головами танцующих, на мгновение высвечивая белые рубашки, платья, скатерти. От бешеного ритма ударных украшавший стены дансинг-холла дикий виноград мелко, но безостановочно подрагивал – как будто тоже участвовал в пляске. Учителя и родители укрылись от грохота в каминном зале.

После полуночи один за другим начали сходить с дистанции и сами виновники торжества, и диджей объявил перерыв.

– Дорогие друзья! – Появившийся на сцене Марат Измайлович помахал руками, привлекая внимание. – Да, теперь я могу вас так называть. Теперь вы уже не ученики, а я не директор. Впрочем, директором я останусь, но уже не для вас... – В зале засмеялись. – Теперь о дальнейшей программе. Примерно через час, когда вы немного отдохнете, у выхода будет ждать автобус. Встречать рассвет после выпускного бала – традиция давняя. Мы постарались выбрать такое место, где вы не окажетесь в толпе других выпускников. И, ребята, большая просьба – не теряйте свои мобильные телефоны. Чтобы вас не потеряли родители. Они волнуются, может быть, больше вас самих. Ну вот. А теперь давайте скажем

«спасибо» так прекрасно развлекавшему вас диджею. – Отдельные выкрики слились в общий веселый гул. – И я с удовольствием объявляю полуночный джаз-коктейль. Это своего рода подарок нам всем – играть будет знаменитый папа нашей выпускницы Ариадны Манукян, которую я... нет, мы все еще раз поздравляем с заслуженной золотой медалью. Ариша, мы все тобой гордимся!

Над смущенной Ариадной кто-то выстрелил из хлопушки, и она исчезла в облаке конфетти. В глубине зала захлопали пробки шампанского, кто-то закричал «браво», кто-то зааплодировал.

– Ребята, ребята, – призвал к порядку Марат Измайлович. – Договорить-то дайте. – Все засмеялись. – Итак... на нашей сцене – лауреат бесконечного количества всевозможных международных конкурсов, человек-оркестр... Сергей Манукян! Встречайте! Прошу, Сережа...

К синтезатору вышел смешной кудрявый толстячок в фиолетовом смокинге с серебристыми лацканами. Кое-кто зафыркал: лауреат? Вот это? Клоун какой-то, а не лауреат. Однако после первых же аккордов в зале замерли все, даже официанты. В тягучих, до самого сердца пробирающих звуках блюза отчетливо слышались то «Подмосковные вечера», то «Во поле береза стояла», а то и «Школьные годы»...

Борис увлек Алену на балкон:

– Тут хоть дышать есть чем. Слушай, я тебе так и не сказал... Ты в этом платье прямо царевна эльфов. Глебка говорит, ты на «Весну» Боттичелли похожа. Художник такой был.

– Я знаю, – улыбнулась она. – Италия, пятнадцатый век. Ты преувеличиваешь. И Глеб тоже. Просто тип лица тот же.

– Ну не скажи! Ничего я не преувеличиваю! – возмутился Борис. – Когда ты выходила аттестат получать, я специально за девчонками смотрел. Прямо какой-то ужасный ужас, как будто у них самый сладкий кусок украли. Только Наташка молодец – хлопала так, что чуть руки не отваливались. А Цыганкова с Шарапкиной чуть вуальки свои от зависти не сжевали. Так что я тебе точно говорю. – Он притянул Алену к себе и, оглянувшись, украдкой поцеловал пушистый локон на виске. – Эй, ты чего как замороженная?

- Устала. - Она повела плечом, чуть отстраняясь.

- Так! - Он отодвинул девушку от себя и, положив ей руки на плечи, уставился глаза в глаза. - Ну-ка стоп машина. Ты кому врешь, Аленка? Я что, не знаю, какая ты бываешь усталая? Совсем другая. Кто-то из этих дур тебе что-то ляпнул? Плюнь на них. Или... Ой. Ты переживаешь, что я дурака сваял и сальто со сцены сделал? Так все же в восторге были. Ну так чего тебя грызет?

- Оставь, проехали. Пустяки. Говорю же, устала.

- Ну пустяки так пустяки, - согласился Борис и вдруг, шагнув к перилам, сделал на них стойку на руках. - Пока не скажешь, так и буду стоять! Говори! - потребовал он чуть сдавленным из-за перевернутого положения голосом.

Алена ахнула. До земли - точнее, до асфальта - было метров пять. Убиться не убьешься, а вот руки-ноги переломать - запросто. Если не позвоночник...

- Борька, прекрати сейчас же!.. Ну... предки мои заявили.

Он соскочил с перил:

- Сюда?

- Ну... да. Внутри их не пустили, они скандалить начали - ах, какой ужас, им срочно нужно поздравить свою кровиночку... Марат Измайлович с ними поговорил, и они ушли.

- Фу, - выдохнул Борис. - Ну, значит, все обошлось. Пора расслабиться. Вот я тебя сейчас развеселю. Хотел позже сказать, но чего тянуть. Тут мои предки учудили, мне мама типа по секрету нашептала. Ну и я тебе эту страшную тайну доверю. Короче, они для нас квартиру нашли, дом соседний с нашим. Там почтальонша живет. Да ты ее знаешь, она с такой собачкой смешной всегда ходит. Собачка еще чихает, когда гавкать собирается, - для убедительности он изобразил и чих, и тьяканье.

Алена тихонько засмеялась:

- Муся, с маленькой бородкой.

- Почтальонша с бородкой?

- Да нет, собачка. Муся ее зовут. А почтальоншу вроде...

- Да какая разница! – перебил ее Борис. – Она квартиру сдает. С балконом, рядом с нами. Ну дом то есть рядом. Круто? – Он чмокнул ее в правый глаз, потом в левый, нахмурился. – Да что ж такое-то? Ты плачешь? Эй! Радоваться же надо!

- Борь, мне так стыдно...

- Ну вот здрасьте! Как будто я страшный серый волк и вот сию секунду тащу тебя в берлогу, чтобы съесть. Ты что, думаешь, я сексуальный маньяк, что ли? Все по-человечески сделаем: подадим заявление – хочешь, прямо завтра? – свадьбу закатим, все, как положено. Белое платье, шарики, все такое. Хотя куча народу живут себе просто так, плюют на все официальные правила и жениться не собираются. Но мы-то собираемся! Да я тебе такую свадьбу устрою, все попадают. Манукяна с его ансамблем пригласим. Аришка – хорошая девчонка, она с отцом договорится. Он как-то так играет, прямо мурашки по спине...

- Да я не потому совсем, – всхлипнув, Алена уткнулась ему в плечо. Марат Измайлович... он им пакет вынес. Только тогда они ушли...

- Черт! – Борис стукнул кулаком по перилам. – Ну точно. Это я такой дурень, не сообразил. Надо было им еще перед вечером водки занести, чтобы они уже никуда не выползали.

Девушка, чуть отстранившись, подняла блестящие от слез глаза:

- Ты-то тут при чем?

- Ты что? – Борис как будто удивился. – Как при чем? Теперь я за тебя отвечаю. И должен был не козлом скакать, а головой подумать. Прости! – Он снова прижал Алену к себе. – Вот клянусь: с этой минуты буду думать немного вперед. По крайней мере, очень постараюсь. Поэтому сейчас мы с тобой отсюда

смываемся... – Борис внезапно прищурился, вглядываясь в темноту под балконом. – Это кто такой хороший вдоль по улице идет? – нараспев произнес он. – Это кто такой хороший кошелек сейчас найдет?

– Кто там? – испуганно выдохнула Алена. – Опять мои?

– Да нет, – усмехнулся он. – Это Наташкин отец. Рассекает, как Брюс Уиллис. Весь в белом, блеск! Прямо не фотограф, а кинозвезда. Хотя его известности многие эти звезды еще и позавидовать могут. Насколько я знаю, всякие там журналы его друг у друга из рук прямо рвут. Вот что значит толковый специалист в своем деле... погоди, я быстро. Мне у него одну вещь спросить надо.

Перемахнув через балконные перила, Борис приземлился на газон, кувыркнулся и вынырнул из кустов прямо перед Антоном Дмитриевичем. От неожиданности тот отшатнулся, едва не выронив видеокамеру, которую нес под мышкой. О чем они говорили, Алене слышно не было.

Закончив разговор, Борис вернулся под балкон и замахал руками:

– Смываемся отсюда! Давай, спускайся. Или ты хочешь с народом?

– Я не хочу с народом! – Алена замотала головой. – Я с тобой хочу! – и добавила тихо-тихо, чтобы Борис не услышал: – Навсегда хочу!

Он рассмеялся:

– Мы с тобой прямо как Ромео и Джульетта! Ты на балконе, перепуганная и влюбленная, я гляжу на тебя снизу вверх и уговариваю удрать. Точно ведь? Только ты давай, по лестнице удирай. Чего-то высокогато тут летать, чуть пятки себе не отбил.

Когда Алена выскользнула из ресторана, Борис уже стоял рядом с такси, держа открытой дверь.

– Это карета, которая в полночь превратится в тыкву? Да, Ромео с Вагоноремонтной улицы? – засмеялась Алена. – У тебя деньги-то есть, Ромео?

- Полна коробочка, - гордо заявил он. - Честно заработанные. Полтора раунда отлично сделал. Знаешь, сколько я теперь получаю? Всего за пять минут на ринге? - ему хотелось похвастаться: он уже не сопливый пацан, который клянчит у мамы «на кино», он вполне взрослый мужик, добытчик.

- Случайно знаю, - почему-то она продолжала смеяться. - Ты не только голову потерял, кран мой безбашенный.

- Ты про что? - не понял Борис. - И нечего краном обзывать, садись быстрее. Пока никто нас не засек.

- Деньги покажи, - строго потребовала девушка.

Он полез в карман пиджака и гордое выражение лица сменилось растерянным:

- Слушай, деньги ведь были. Много денег. Я, правда, костюм купил и туфли. И еще одну штучковину, для тебя, она дома лежит, - он беспорядочно шарил по всем карманам подряд. - Вот же попал! А-а! Я их, наверное, выронил, когда с балкона прыгал. Сейчас... - Борис ринулся в кусты.

- Стой, балбес! - крикнула вслед Алена. - Вот они, твои кровные, - она помахала в воздухе пачкой. - Они вылетели, когда ты в актовом зале сальто со сцены исполнял. Хорошо еще, прилетели прямо Наташке в руки. Прилетели бы Шарапкиной, только б ты их и видел.

- Уф, черт! Какой-то я сегодня рассеянный. - Он вернулся к машине.

- Ну что, молодежь, едем? Или до утра тут будем смеяться? У меня счетчик тикает, он шуток не понимает, - окликнул таксист.

- Едем, командир, едем! - отозвался Борис. - Прыгай, Джульетта, на заднее сиденье. Там целоваться удобнее.

Усевшись, Алена уперлась ногами в коробку.

- Это что? - шепнула она. - Это наше или?

– Наше, наше! Все наше. Весь мир у наших ног!

– Я серьезно спрашиваю.

– Там шампанское, еще вино разное, фрукты, пицца. И чипсов тебе специально купил, с салом и чесноком.

– Хамите, парниша?

– Мрак! – Борис подхватил цитату из бессмертной Элочки-людоедки и засмеялся. Ему хотелось одновременно хохотать, петь и прыгать до потолка. – От избытка чувств, моя прекрасная леди!

– А можно прекрасной леди узнать, куда мы едем?

– Тс-с! – Борис прижал к губам палец, как будто кто-то мог их подслушивать. – Антон Дмитриевич устроил. Вот мужик, я балдею! Один звонок – и все в мармеладе. Уважаю!

– Так балдеешь или уважаешь? – хихикнула Алена.

– Все в одном флаконе.

– И в какой мармелад мы едем? Ну-ка быстро говори!

– Антон Дмитрич позвонил тренеру знакомому, нет, не боксеру, не хихикай, на конную базу или что-то в этом роде. Короче, этот мужик нас там встретит, даст лошадей и факелы. Поедем кататься по ночному городу. Ну или по парку. Это уж на месте решим.

– А факелы зачем? – удивилась девушка.

– Так у лошади же фар нет. Ну и для красоты. Представляешь... – Борис вдруг задумался. – Слушай, а ты на лошадях-то когда-нибудь ездила?

- Только на пони, - вздохнула Алена. - Мы однажды, давно-давно, на море отдыхали. Там у хозяев, у которых мы жилье снимали, два пони было. Их в аренду сдавали. В смысле покататься. Заплатил деньги, сел и поехал. Бизнес такой. А мы у них жили, поэтому мне разрешали бесплатно кататься. Когда клиентов нет.

- Пони симпатичные. На сусликов похожи.

- Сам ты на суслика похож! - Алена завозилась, поудобнее пристраивая голову ему на плечо.

- А ты на пони! - фыркнул Борис. - И ничего, мне нравится. Только чур не лягаться.

Ему было так хорошо, что почему-то - по контрасту, что ли? - вдруг вспомнился Глеб. Какой-то он сегодня мрачный весь вечер был. Да и не только сегодня. С девчонкой бы ему какой-нибудь путевой законтчить... так на него не угодишь. Анджелка за ним хвостиком таскается, с ложечки кормить готова, а он - ноль эмоций. Нет, она, конечно, полная курица на всю голову, но красotka ведь. Если бы еще не болтала без умолку, вполне за путевую сошла бы. А то как начнет балаболить, такую чушь несет, тут уж никакой красоты не захочешь...

- Алена, можно тебе задать один интимный вопрос? - уже проговорив это, Борис понял, что ляпнул что-то не совсем то. Впрочем, Алену его ляп, кажется, не шокировал.

- Только один? - усмехнулась она.

- Да я не про нас, - буркнул Борис, радуясь, что в темноте машины не видно, как пылают щеки, - я про вообще думал. Точнее, про Глеба. Вот скажи, если девчонка трещит как пулемет, без остановки, это как-нибудь можно прекратить?

- У-хм! - Алена потерлась ухом о его щеку.

- Это означало - можно? Как?

– Да просто надо безостановочно целоваться. Какие же вы, мальчишки, бестолковые, ужас.

Взглянув в зеркало заднего вида, водитель с улыбкой отвел глаза. Какие чудесные ребятки! Весь мир может хоть в преисподнюю проваливаться, а у них одно сплошное счастье, везде, где хочешь – от горизонта до горизонта. М-да, а куда ехать-то, кстати? Жалко их отвлекать, но ничего не поделаешь. Он хмыкнул:

– Прости, выпускник, что от дела отрываю, но на небеса моя карета не ездит, только по земле. Ты уточнил бы, куда двигаться? Парк большой, где там этот конный манеж, я не знаю.

– Так поехали вокруг парка, – отозвался Борис. – Пока стук копыт не услышим или ржание какое-нибудь. Мы ж не торопимся. Нас там будут встречать только через час. Хотя нет, уже через сорок минут. Не переживай, я перезвоню, уточню, если что.

Ночь летела навстречу, подмигивая желтыми глазами светофоров, в темных прогалах между которыми тут и там вспыхивали звезды петард и пушистые созвездия салютов. Город праздновал выпускной бал.

– Музыку вам поставить, молодые люди? – добродушно предложил водитель.

– А у вас какая есть? – уточнила Алена.

– У меня радио, – сообщил тот. – В нем много чего. Вы какую предпочитаете – нашу или заграничную?

– Мы предпочитаем... классическую. Соль-мажорный концерт для флейты с оркестром, например, – самым серьезным тоном произнесла девушка, стараясь не хихикать.

Шофер поперхнулся.

– Да ну ее, эту флейту. Оперу хорошо бы! «Ромео и Джульетта», например. В исполнении... да ладно, в чьем-нибудь, – подхватил Борис. – У нас на следующей

неделе вступительные экзамены начинаются. В консерваторию, – важно добавил он.

– На класс виолончели, – вздохнула Алена. – В крайнем случае рояль...

– Нет, – отрезал Борис. – Ты как знаешь, Виолетта, а я на тромбон. Мне папа не простит, если я на тромбон не пойду.

– Дело твое, Арнольд! – сурово заметила девушка. – Только на этом наши отношения закончатся. В нашем доме даже слово «тромбон» не произносят...

– Есть такая радиостанция, «Радио-классика» называется. Сейчас найду, – растерялся водитель.

– Будьте так любезны, если вас не затруднит, – церемонно поблагодарили Борис и Алена, фыркая в кулаки.

Глава 9

За глаза подчиненные называли его просто Панкратом. Хотя в служебной жизни обращались только по званию – товарищ генерал. В приказах по управлению и в других служебных документах он числился Панкратовым Иваном Ивановичем, и всем, разумеется, было очевидно, что это не настоящие имя и фамилия.

Настоящее имя Панкрата было известно считаным людям. В частности, тому, кого Босс именовал Полковником. Еще бы ему не знать – столько лет (да, собственно, уже десятилетий) плечом к плечу – так же они брали штурмом дворец Амина. Тогда у каждого был свой позывной: у генерала «Панкратова» – Другой, у Полковника – Тихий. Та война закончилась, а привычка осталась.

Полковник единственный из всего управления мог приходить к генералу в любое время. И без доклада.

Сейчас он прошел мимо адъютанта в приемной, не останавливаясь, лишь сухо кивнув на ходу. Адъютант, немолодой капитан, поперхнулся чаем, вытянулся в струнку и отдал честь.

– У себя? Один? – уточнил Полковник, берясь за массивную ручку двери в кабинет начальника управления.

– Так точно! – стакан с чаем капитан испуганно сунул на подоконник, за штору.

– Чаем сыт не будешь, – усмехнулся Тихий. – Иди в буфет, поужинай нормально. Полночь скоро. Я генералу скажу, что тебя отпустил.

– Спасибо, товарищ полковник! – Выдохнул адъютант. И тихо, доверительно, добавил, показывая глазами в сторону кабинета: – Они, мне так кажется, отдыхать легли. Через два часа доклад по спутниковой связи ждем.

– Я понял. Свободны, товарищ капитан! – Тихий потянул дверь на себя. – Кстати, на заметку, – он хитро улыбнулся одними уголками губ. – Если вы в буфете скажете Зинаиде Аркадьевне одну волшебную фразу, вам в кофе плеснут пятьдесят грамм отменного коньяку. Причем бесплатно.

– Какую фразу? – капитан растерянно заморгал.

– Мои ночи лучше ваших дней! Запомнил? Это что-то вроде пароля. И не торопитесь, у нас с товарищем генералом разговор предстоит долгий, – бросил он через плечо, проскальзывая в дверь.

Как же он так неслышно все делает, восхищенно подумал адъютант. Дверь и та не скрипнула. Ниндзя, как есть ниндзя! Все они такие, оперативники со стажем. Капитан уже давно не мечтал об оперативной работе. Надо же – «Мои ночи лучше ваших дней». Надо проверить, в самом деле. Хотя этот врать не будет. А кофе с коньячком сейчас в самый раз.

Адъютант ошибался, генерал Панкратов отдыхать и не думал. Он сидел спиной к дверям в громоздких наушниках и с пульта листал на экране настенного монитора страницы с японскими иероглифами. Увидев в уголке экрана отражение вошедшего, генерал погасил экран, бросил наушники на стол и развернулся вместе с креслом.

– Какой ты все-таки тихий, старина! Тихий, как омут. В котором, как известно, водятся черти.

– Дело к полуночи, а ты чертей поминаешь, – хмыкнул Полковник. – Ну, здравствуй, Другой! А ты вот, как всегда, другой. Японский решил подучить?

– И тебе не хворать, Тихий! Дневники Рихарда Зорге перечитываю, хорошо мысли прочищает. Судя по суровому выражению лица, у тебя хорошие новости. Может, тогда распорядиться насчет коньяка?

– Я уже отправил твоего цепного пса к Зине в буфет, – устроившись в кресле напротив генерала, Тихий кивнул на погашенный монитор. – Мысли – хорошо, а японский теперь никому не интересен. Теперь будем учить чеченский.

– Неужели ты нашел?! Твой предыдущий кандидат пока никуда не годится. Агент внедрения из него, как из меня балерина. Способности к языкам у парня на нуле. Стены головой крушить – это за милую душу, а вот других талантов и в микроскоп не разглядишь. – Разведя руками, генерал изобразил шутовской поклон. – Тут самые прогрессивные программы обучения бессильны. Видимо, в твоём любимом бойцовском клубе мозги растрясти ему успели основательно.

Полковник кивнул:

– Признаюсь, промахнулся. Оправданий нет. Тесты его ты видел сам.

В дверь осторожно постучали.

– Зиночка, милости просим! – крикнул генерал.

Пышненькая аппетитная шатенка, пристроив поднос на край стола, споро и аккуратно составила с него коньяк, рюмки и тарелочки с нарезанным лимоном:

– Вот, пожалуйста! – выложив возле «натюрморта» две полотняных салфетки, она удовлетворенно кивнула. – Все, как просили. Мои ночи лучше ваших дней!

– Спасибо, красавица наша! – Генерал повернулся к старому другу. – Ты в курсе, что наша Зина не замужем?

– И я даже знаю – почему, – отозвался тот.

Буфетчица посмотрела на начальника с тревогой:

– Вы о чем, товарищ полковник?

Полковник глядел на нее сурово:

– Наше управление в связи с вашим холостым положением несет тяжелые потери.

Генерал, сдерживая смех, прикусил губу. У Зины округлились глаза:

– Какие такие потери?! – возмутилась она. – У нас все продукты свежие. Мы вон йогурты на второй день списываем, а то мало ли чего они там со сроком годности нахимичат.

Тихий нахмурился:

– Еда тут ни при чем. Я, Зина, совсем про другое. – Он забарабанил пальцами по крышке стола.

Чтобы не расхохотаться, генерал сосредоточился на разливание коньяка.

– Дело в том, – хмуро продолжал полковник, – уважаемая Зинаида Аркадьевна, что многие наши молодые сотрудники...

– И не только молодые, – вставил генерал.

Тихий сокрушенно покачал головой:

– Да, к сожалению, и не молодые тоже. Так вот. Под впечатлением от вашей неотразимой прелести и полной недоступности, – он окинул ошеломленную буфетчицу мрачным взглядом, – они начинают выяснять отношения, претендуя на ваши руку и сердце. Вы что, не слышали? Четыре дуэли в офицерском общежитии за последние два месяца.

– Четыре чего? – Зинино лицо покрылось красными пятнами, глаза наполнились слезами. – Ну да, лейтенант Кострюков из шифровального отдела сделал мне предложение. Ну, типа, замуж зовет. Я пока ничего не ответила.

– Вот вы не отвечаете, а они того, на саблях дерутся, – укоризненно покачал головой полковник. – Слава богу, все ранения не опасные.

– Все, хватит! – Поднявшись, генерал встал, поцеловал вконец перепуганной буфетчице руку. – Зиночка! Простите этого пожилого балбеса. Это он так шутит по-дурацки.

Зина вытерла глаза фартуком:

– Стыдно вам, товарищ полковник!

– Я больше не буду! Честное пионерское! – Тихий отвесил буфетчице церемонный поклон.

– Пойду я, Иван Иванович. – Все еще пошмыгивая носом, она двинулась к двери, но обернулась: – Кофе когда пить будете?

– Да кто ж нас знает! – усмехнулся генерал. Вы приготовьте, я после капитана пришлю.

– Да как же это? – всполошилась Зина. – Остынет ведь.

– Ничего страшного, – успокоил ее генерал. – Остынет – холодный выпьем. И не обижайтесь на нас. Спасибо!

Когда дверь за девушкой, бормочущей «холодный выпьют, выдумали», закрылась, друзья подняли рюмки.

– Давай к делу, хватит развлекаться! Тоже мне, тихий он! – генерал все еще посмеивался, но глаза его посерьезнели.

– Докладываю, – отозвался Тихий. – Есть один парень. Совсем молодой, только школу окончил. И это плюс. Голова свежая, не забитая всякой чепухой.

Физическая форма потрясающая. Если его оставить у этих деловых, ну в клубе, через полгода станет звездой. Если не сломают, конечно. Сам знаешь, какие там нравы. По-любому надо его к нам брать.

Генерал приподнял бровь:

– И никаких минусов?

– Да ну, как же без минусов, – Тихий пожал плечами. – Психика неустойчивая, он же мальчишка совсем. Это раз. Второе: в армию он не идет – белый билет. Причем со здоровьем там все отлично. Они с братом-близнецом на двоих и устроили себе общую болезнь.

– И что, мы не можем это разоблачить и просто его призвать?

– Можем, – согласился полковник. – Но не будем. Мы на этой семейной тайне сыграем.

– Хорошо, так действительно лучше. Что еще?

Тихий озабоченно вздохнул:

– Самое главное... Плесни-ка еще!

– Подожди, я сам скажу, – пододвигая собеседнику наполненную рюмку, генерал хитро прищурился. – Юноша у нас играет в Ромео? Угадал?

– Да не играет, в том-то и загвоздка. Все взаправду. Я видел их вместе, с его Джульеттой. Редкий случай для нашего бесстыжего времени. Очень трогательные молодые люди. Он и в бойцы из-за нее в основном подался. Деньги ему нужны – чтоб совместную жизнь обеспечить. Родители-то Джульетты – алкаши беспробудные.

– Так мы же способны ему помочь... – Генерал задумчиво пожевал лимонную дольку. – Если он действительно так нам подходит... В конце концов, финансирование операции по внедрению агента в отряд Салаудди контролирую лично я. И деньги – совсем не главный тут вопрос. Пока мы теряем наших

лучших агентов...

- Есть еще один... минус, - неохотно сообщил полковник. - Как уговорить. Мы для него - самые страшные враги.

- Что ж так?

- Его отец. Талантливый и перспективный художник. Был. Продал несколько работ на Запад. Да еще и письма всякие такие подписывал. В общем, обычная история для тех лет. Кухонный диссидент. Ну и попал под раздачу.

- И что в итоге?

- Да как обычно. С кого-то как с гуся вода, а он - талант, тонкая натура. Запрессовали. Довели до психушки. И близнецы про это знают. Так что у них на все наше ведомство преогромнейший зуб. Отцу жизнь загубили, не хухры-мухры.

Советское время агент Тихий вспоминал не столько с отвращением, сколько с недоумением. Многого, ох, многого он тогда по молодости лет не понимал. И в стране, и, что греха таить, в собственной службе. Просто честно исполнял приказы. Хотя многие начальники ему откровенно не нравились, даже пугали. Особенно те, кто приходил «на идеологическое усиление» из партийных органов. Вроде былых комиссаров в армии. Большинство таких «комиссаров» ни уха ни рыла не смыслили в оперативной работе, потому распоряжения отдавали - тупее некуда. Дураки везде есть, успокаивал он себя. Но служба на то и служба, что приказы не обсуждаются, уж тем более не осуждаются - исполняются. Какими бы идиотскими они ни были. Ох, лучше не вспоминать. Насмотрелся он и в Афгане, и в Анголе. Каких ребят они теряли! Теряли просто из-за того, что какой-нибудь столичной штабной шишке что-то эдакое с пьяных глаз примерещилось.

Много позже, когда сам стал старшим офицером, получив в свои руки власть над десятками, а потом и сотнями подчиненных, он, памятуя о том горьком опыте, дал себе что-то вроде зарока: главное - сберечь жизни своих ребят. Да, наша служба, как там говорится, и опасна, и трудна, и от смертельных заданий никуда не деться. Но если ты и сам за своих ребят готов голову положить - хоть буквально, хоть перед вышестоящим начальством - когда ты всех их знаешь, кто чем дышит, тогда и они за тебя пойдут в огонь и в воду. Потому что нутром чуют

– зря не пошлют.

Да, того парнишку, что он вытащил недавно из клуба, посылать нельзя никуда. Сперва-то он казался ох каким перспективным, а на деле... Нет, не потянет парень тонкой оперативной работы, моментально проколется. Чеченцы – из тех, кого в царские времена звали «немирными», у которых, кроме «убей белого» и «набей карман», других стремлений нет – наловчились определять засланных «кротов». Впрочем, это можно не только про чеченцев сказать, про любых бандитов. Чутье на «контору» у них у всех звериное.

Но с Борисом все-таки имеет смысл попытаться. Отчаянный, драться готов хоть с дюжиной соперников – про такого никто не подумает, что засланный казачок. Рубаха-парень, для которого главное – ввязаться в схватку, а там хоть трава не расти.

– И как же ты собрался его переубеждать? – довольно скептически поинтересовался Другой. – Какие у тебя аргументы против сломанной судьбы его отца?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/oleg-roy/zapasnoy-kozyr>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)